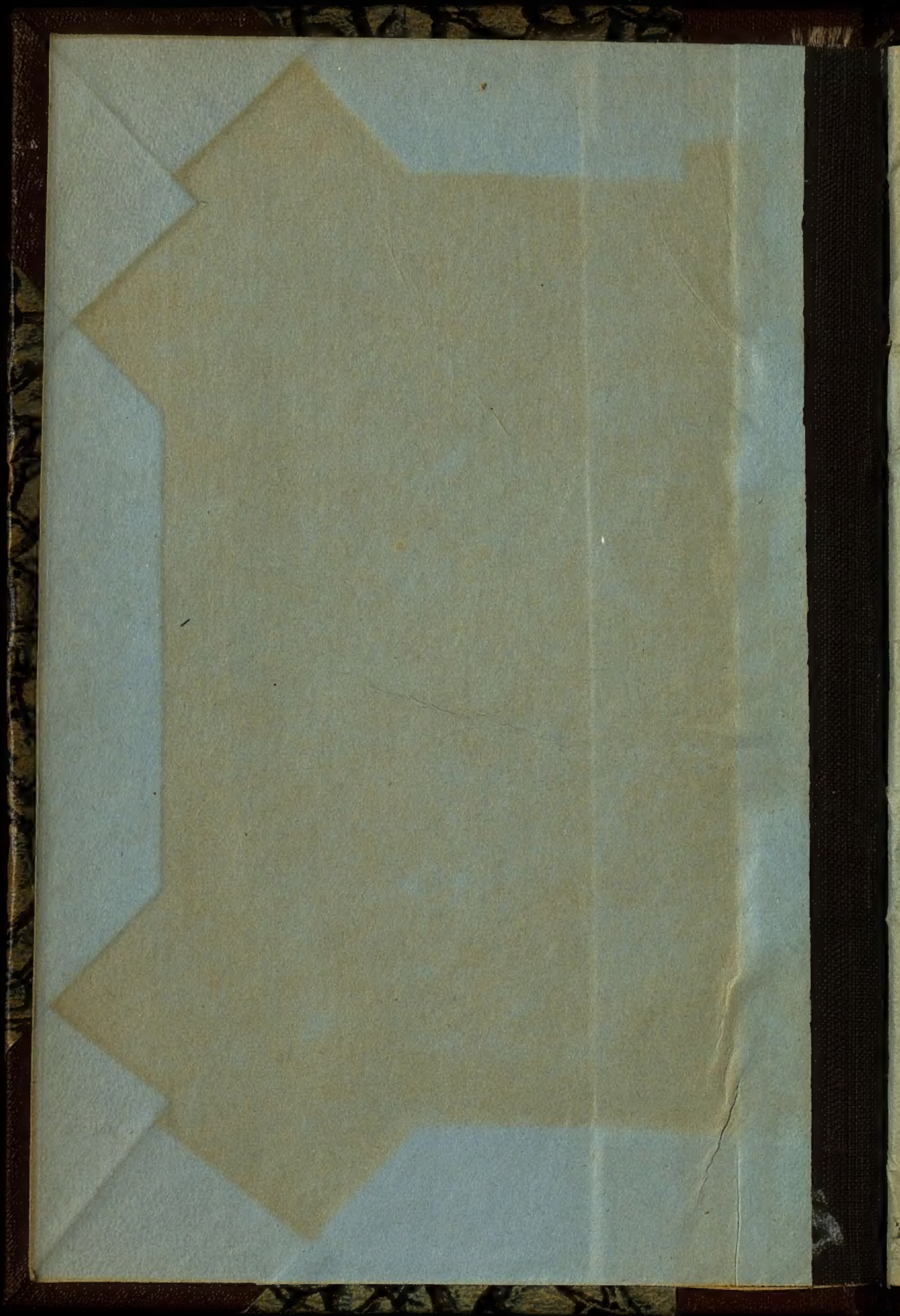
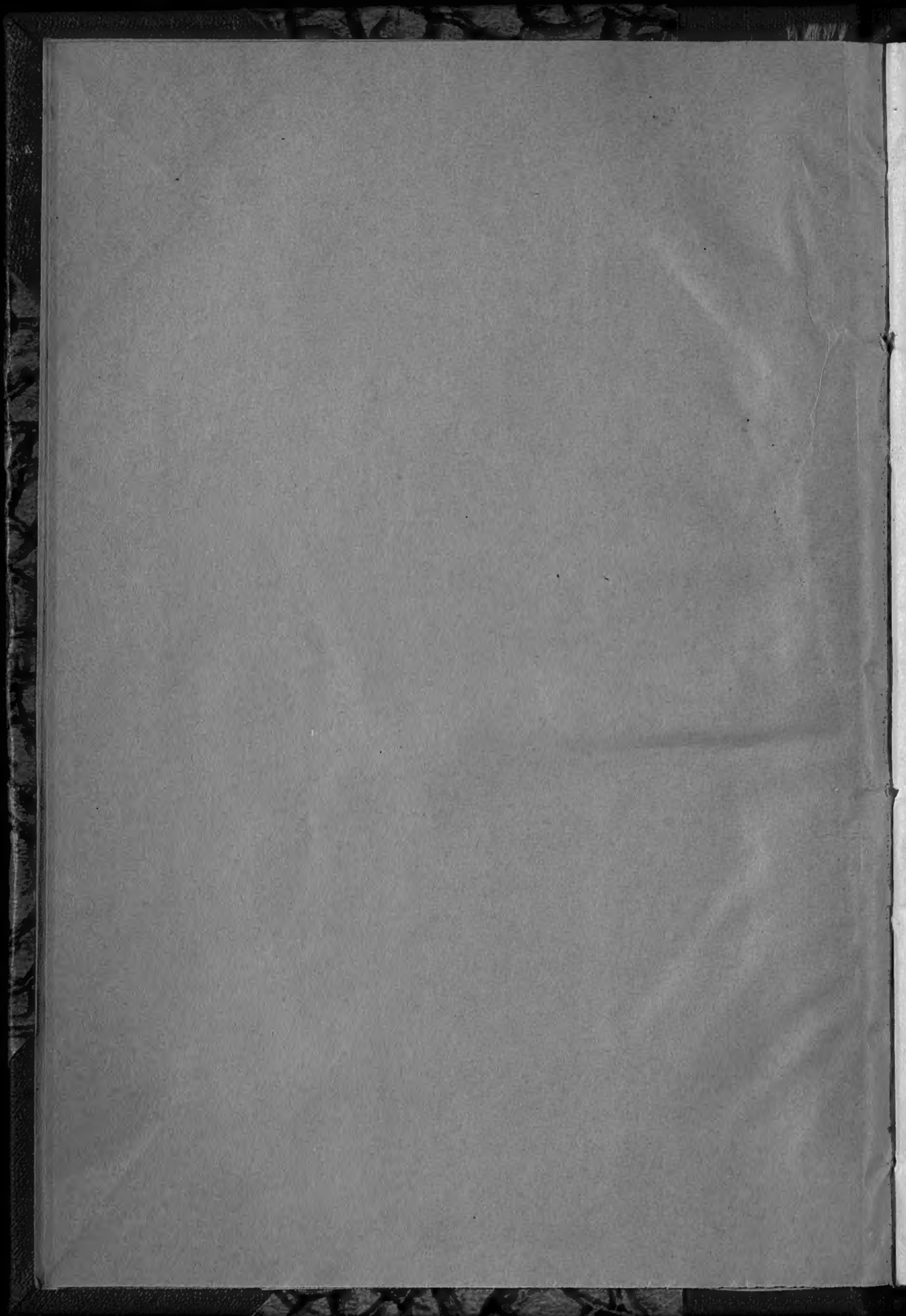
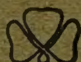

А. Кочегаровъ.

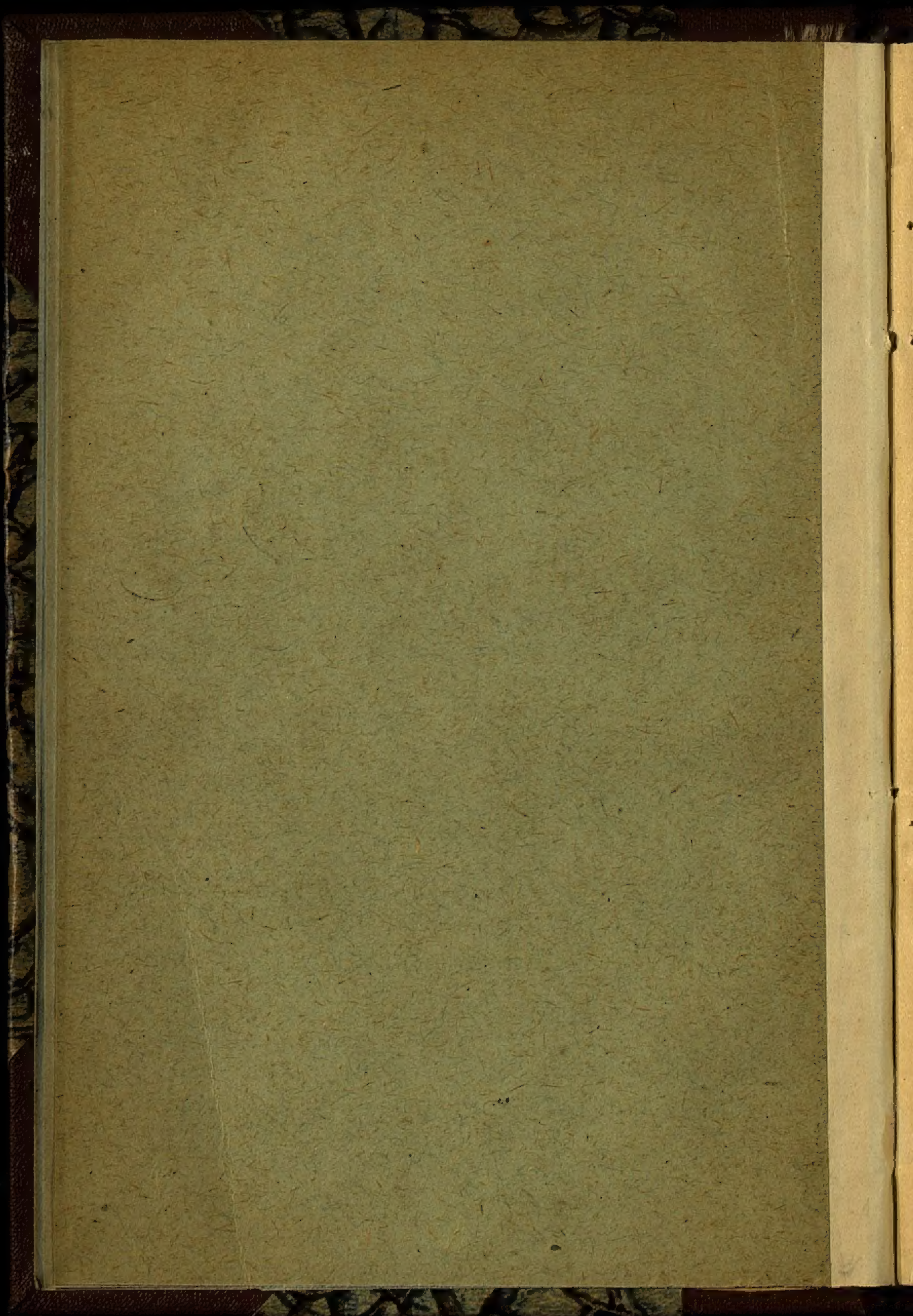
Земельная Программа

Анархистовъ-Коммунистовъ

Изданіе Листковъ «ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.»

ЛОНДОНЪ
1912.

А. КОЧЕГАРОВЪ. Карелин А. А.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА

Анархистовъ-коммунистовъ.

Изданіе
листковъ „Хлѣбъ и Воля“
№ 8.

ЛОНДОНЪ 1912

ВВЕДЕНІЕ.

Земельныя программы всѣхъ политическихъ партій считаются съ нынѣ существующими установленіями собственности и власти. Даже программа русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, настаивая на отобраніи ренты у сельскаго населенія и сохраняя капитализмъ въ области индустріи, транспорта и торговли, имѣетъ въ виду крестьянъ, живущихъ каждое хозяйство порознь и при томъ подъ деспотической властью государства.

Мы не знаемъ другой аграрной программы, кромѣ той, которая совпадаетъ съ предложеніемъ организовать въ каждой общинѣ распредѣленіе продуктовъ труда на коммунистическихъ началахъ. Пропагандируя принципы широкаго коммунизма, мы пропагандируемъ и нашу аграрную программу въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о сельскомъ хозяйствѣ.

Здѣсь важно отмѣтить, что наша пропаганда не идетъ въ разрѣзъ съ настроеніемъ крестьянскихъ массъ.

Такъ какъ наши крестьяне считаютъ землю ничьей, вольной, такъ какъ въ ихъ средѣ сильны коммунистическія традиціи и коммунистическія формы землепользованія и хозяйства, такъ какъ наши народныя массы настроены противу-государственно, то крестьянство считаетъ предлагаемое нами устройство справедливымъ и выгоднымъ, и съ радостнымъ волненіемъ, какъ къ благой вѣсти, прислушивается къ нашимъ словамъ.

Намъ придется указать здѣсь, какимъ путемъ пойдетъ крестьянство къ вольнымъ коммунамъ и остановиться на этомъ вопросѣ лишь постольку, поскольку это допускается научнымъ предвидѣніемъ. Придется указать далѣе, что намѣреніе крестьянъ взять землю въ общее достояніе, является вполнѣ достижимой задачей, что возраженія противъ обобществленія земли, на которыя былъ такъ щедръ хоръ мирно-обновленцевъ, соціаль-демократовъ и конституціоналистовъ-демократовъ, не выдерживаютъ критики.

Въ связи съ указаннымъ намъ придется развить и нѣкоторыя другія положенія.

I.

Какъ смотрятъ русскіе крестьяне на земельный вопросъ.

Главнымъ средствомъ производства является въ Россіи земля, и нашъ народъ издавна считалъ землю „вольною“, „ничьею“, не признавалъ права частной собственности на нее, признавалъ захватъ земли только въ томъ случаѣ, если она обрабатывалась личнымъ трудомъ захватившаго землю, и то только до тѣхъ поръ, пока онъ обрабатывалъ ее и не тѣснилъ другихъ землепашцевъ.

Въ древней Руси права частной собственности на землю не существовало. Правда, и въ старину практиковался захватъ земли князьями или монастырями, а затѣмъ богатыми людьми, но, какъ говоритъ кн. А. Васильчиковъ, въ это время „всякое владѣніе было условное; какъ княжеское, такъ и боярское, давало право на сборъ дани, пошлинъ, но не на самую землю, которая оставалась за смердами, закупами, христіанами.“ Частная собственность на землю является установленіемъ, совершенно неизвѣстнымъ „Русской Правдѣ“. Понятіе о князѣ, о царѣ, какъ о верховномъ землевладѣльцѣ —не русское. Прежде всего оно заимствовано у татаръ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ формахъ, которыя принимало въ Россіи землевладѣніе богачей, но интересно, что слово „собственность“ не встрѣчается въ государственныхъ актахъ, грамотахъ и лѣтописяхъ до Петра I; болѣе того, самаго понятія о земельной собственности, „какъ о неотъемлемой наслѣдственной принадлежности частнаго лица“, не существовало до этого времени, но государство усердно подготовляло почву для расцвѣта этого установленія. Интересны, между прочимъ. слѣдующія слова К. Побѣдоносцева: „Понятіе о полной собственности на землю

явилось и выразилось только тогда, когда служебная повинность была снята съ дворянства жалованною грамотою Петра III и Екатерины II, а вслѣдъ затѣмъ (1758) явилось то опредѣленіе, которое мы встрѣчаемъ въ существующемъ законодательствѣ".

Но богатыя и правящія лица захватывали все-таки землю и, начиная съ возстанія Ивана Болотникова, черезъ движеніе Разинцевъ и Пугачевцевъ, вплоть до кроваваго царствованія Николая второго (включительно), крестьяне возставали противъ захватчиковъ земли, добивались ея перехода къ землепашцамъ.

Какъ раньше, такъ и теперь крестьянство знать не хочетъ „священнаго права собственности на землю": „Весь русскій народъ,—писалъ Л. Н. Толстой, способность котораго къ точному наблюденію безспорна, — на моей памяти не признавалъ земельной собственности"; „огромное большинство нашего народа, живя земельнымъ трудомъ, не признаетъ земельной частной собственности и желаетъ и требуетъ уничтоженія этого стараго злоупотребленія и не перестаетъ высказывать это".

Украинцы и тѣ не являются поклонниками частной собственности на землю. Полтавскіе депутаты первой Думы, мѣстные изслѣдователи народнаго быта, не разъ говорили о сочувствіи крестьянъ тому, что называется, благодаря неправильной терминологіи, націонализаціей земли. Интересно, между прочимъ, слѣдующее заявленіе проф. Туганъ-Барановскаго: — „украинскіе крестьяне — пишетъ онъ — достаточно внушительно заявили свое отношеніе къ вопросу о націонализаціи земли тѣмъ энтузіазмомъ, съ которымъ были встрѣчены ими резолюціи крестьянскаго съѣзда. Именно въ Украинѣ Союзъ имѣлъ особенно быстрый успѣхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ тысячи приговоровъ крестьянскихъ обществъ, присоединившихся къ постановленіямъ съѣзда. Напомнимъ, кстати, что съѣздъ крестьянъ, собравшійся въ ноябрѣ 1905 года, указалъ на то, что „прекратить

бѣдствія народа, проистекающія отъ недостатка земли, можетъ только переходъ всей земли въ общую собственность всего народа, съ тѣмъ, чтобы пользовались ею только тѣ, кто трудится на землѣ самъ со своею семьею, безъ наемнаго труда".

„Это правильно, — говорили бѣлоруссы-подворники одному соціалисту-революціонеру,—это правильно, чтобы землею никто не владѣлъ. Это самое справедливое и есть. Мы на это тоже согласны".

Крестьяне на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ называли землю — Божьей, ничьей, вольной, общей, всѣмъ одинаково принадлежащей.

Крестьяне считаютъ глубоко несправедливымъ такое положеніе дѣлъ, при которомъ одинъ человѣкъ владѣетъ десятками, сотнями и тысячами десятинъ земли, сдавая ихъ въ аренду, или обрабатывая чужимъ трудомъ, тогда какъ масса землепашцевъ пользуется только ничтожными ея клочками. „Мы такіе же люди, какъ и они", говорятъ крестьяне о крупныхъ землевладѣльцахъ.

Крестьянскій взглядъ на землю объясняется не только воспоминаніями о прошломъ. Правда, у насъ участки земли зачастую не передавалисьпо насл ѣдству, правда, издавна и еще недавно у насъ практиковались захваты вольной, только въ послѣднее (сравнительно) время номинально-государственной, а въ дѣйствительности ничьей земли; но этотъ взглядъ складывался также подъ вліяніями того соображенія, что земля никѣмъ не сдѣлана, а потому никто не имѣетъ на нее исключительнаго права.

Нельзя говорить, что только передѣлы и переверстки убѣдили крестьянъ въ томъ, что земля является „ничьей". Такой дѣлежъ и такое распредѣленіе земли, въ сущности, доказываютъ, что указанное воззрѣніе на землю, уже существовало, хотя въ свою очередь поддерживаютъ его въ населеніи.

Живущій лицомъ къ лицу съ природой, нашъ крестьянинъ религіозенъ, хотя его религіозность имѣетъ

мало общаго съ тѣмъ ученіемъ, которое проповѣдуется духовенствомъ. По отношенію къ земельному вопросу религіозное міропониманіе вылилось въ ту формулу, по которой земля создана Богомъ, а потому и не подлежитъ захвату въ частную собственность.*)

Многочисленные русскіе сектанты нерѣдко подкрѣпляли этотъ взглядъ ссылками на разные тексты. Ссылаются не текстъ изъ книги Левитъ: „землю нельзя продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня", говоритъ Господь; далѣе. Ссылались на слова пророка Исаіи: „Горе вамъ, прибавляющіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ", или же на библейскій текстъ: „и далъ землю сынамъ человѣческимъ". Ссылались также и на извѣстную заповѣдь, повелѣвающую человѣку воздѣлывать землю въ потѣ лица... своего, разумѣется, а не чужого.

Изслѣдователямъ народнаго быта не удалось подмѣтить у нашего крестьянина какую-то особую любовь именно къ „своимъ", къ опредѣленнымъ участкамъ земли. Не говоря уже о передѣляющихъ землю общинникахъ, крестьяне не только четвертного, но и подворнаго владѣнія нерѣдко передвигали границы своихъ участковъ, „переверстывали" послѣдніе, и, понятно, каждый малоземельный крестьянинъ промѣняетъ свой участокъ на участокъ такого же плодородія, но бóльшаго размѣра. Нашъ суровый крестьянинъ - работникъ совершенно чуждъ той сентиментальной любви къ „своему" участку, къ частному землевладѣнію, о которой такъ краснорѣчиво, хотя и мало убѣдительно, говорятъ буржуазные экономисты, ссылаясь на едва-ли изученную и понятую ими психологію французскихъ и нѣмецкихъ крестьянъ. Ту же ошибку допускаютъ иной разъ и соціалисты. Ф. Гертцъ пишетъ: „Каутскій также придаетъ много

*) Тоже понятіе у мусульманъ. Не обработываемая земля возвращается Аллаху.

значенія фанатизму собственника у мелкаго крестьянина; у него фанатизмъ направленъ преимущественно противъ тѣхъ людей, которые хотятъ лишить крестьянина единственной работы, имѣющейся у него подъ руками — обработки земли, и поэтому это вѣрнѣе было назвать фанатизмомъ труда".

Если нашъ крестьянинъ и привязывается къ чему либо, то не къ опредѣленному участку земли, а къ тому образу жизни, который онъ ведетъ при сносныхъ условіяхъ землепользованія. Онъ любитъ не частную собственность на землю, не опредѣленный участокъ послѣдней, а привычный для него видъ труда Крестьянинъ цѣнитъ, разумѣется, свой, вложенный въ землю трудъ: но если онъ знаетъ, что получитъ, какъ это бываетъ при общинномъ землепользованіи, полное вознагражденіе за него, то равнодушно относится къ переверсткѣ участковъ, спокойно переходитъ съ одного участка земли на другой.

Исходя изъ этого міровоззрѣнія, крестьянство не признаетъ нормальнымъ неравное распредѣленіе земли и убѣждено, что земля должна быть общенароднымъ достояніемъ, всѣмъ на равныхъ условіяхъ доступнымъ средствомъ производства. То воззрѣніе, по которому право на какой-нибудь предметъ дается не трудомъ, а владѣніемъ (какъ учитъ право завоевателей), совершенно чуждо русскому крестьянству, глубоко враждебно міровоззрѣнію послѣдняго. „У насъ два закона, — говорилъ на крестьянскомъ съѣздѣ одинъ изъ его членовъ: одинъ — старый бумажный, онъ намъ не далъ ничего, а другой законъ — тотъ, что земля — природа; она никому не принадлежитъ".

Понятно, поэтому, что „надо давать столько земли, сколько самъ можетъ обработать, иначе опять образуется помѣщикъ", какъ говорилъ на московскомъ съѣздѣ крестьянинъ Владимірской губерніи, и ему вторилъ, высказываясь противъ подворнаго землевладѣнія, крестьянинъ старообрядческаго съѣзда (въ Февралѣ 1906

года): „Если подѣлить землю подворно, то земля въ скоромъ времени перейдетъ въ руки тѣхъ же помѣщиковъ и богатыхъ людей, такъ какъ бѣдные люди по своимъ недостаткамъ продадутъ землю и станутъ безземельными, а богатые будутъ такими-же помѣщиками, какъ и теперь“. Не хотятъ крестьяне помѣщиковъ.

Очень глубокое содержаніе вкладываютъ наши крестьяне въ понятіе „ничьей земли“ и, основываясь на указанныхъ предпосылкахъ, говоря, что земля — „мать“, „кормилица“, (т. е. средство производства), энергично стоятъ за передачу всей земли всему народу. „Всякій человѣкъ, — говорилъ крестьянинъ въ Государственной Думѣ, — долженъ быть съ землею. У насъ ее отняли и тогда сдѣлали священной и неприкосновенной. У насъ ее украли. Мы пришли сюда не искать, а взять. Это — наша мать родная, а вы говорите — «священная собственность»“.

Вся земля, которая служитъ орудіемъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ при сдачѣ въ аренду или при обработкѣ наймомъ, должна быть передана въ пользованіе трудящихся.

Крестьянство нашло уже на своихъ съѣздахъ точныя слова для выраженія своихъ желаній. Раньше, придерживаясь тѣхъ же убѣжденій, что и нынѣ, оно выражало ихъ въ расплывчатыхъ, неуклюжихъ, но полныхъ глубокаго содержанія фразахъ, такъ напр.: „надо продовольствовать живыя существа, которыя имѣютъ нужду, — писалъ крестьянинъ г. Кочаровскому, — самый лучшій порядокъ — заботиться о людяхъ, какъ о всѣхъ одинаково равныхъ и имѣющихъ нужду въ жизненныхъ припасахъ“.

Считая землю ничьею, крестьяне вовсе не являются сторонниками государственной собственности на нее. Послѣднее понятіе совершенно чуждо ихъ рѣзко противу-государственному настроенію. Очень рѣдко, и то въ

прошлое уже время, крестьяне говорили иногда о землѣ, какъ о государевой, о государственной, но и здѣсь разспросы убѣдили насъ, что рѣчь шла не о собственности государства (всегда отождествлявшагося съ правительствомъ или царемъ) на землю, такъ какъ за государствомъ отрицалось право распоряженія ею. Рѣчь шла только о томъ, что государство-правительство облагаетъ землю налогомъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ въ этихъ словахъ выражалось простое противопоставленіе земли, которую облагало налогомъ государство, — землѣ, которую когда-то облагалъ помѣщикъ и которая обложена для него выкупными платежами. По мѣрѣ того, какъ умирали помнившіе крѣпостное право крестьяне, выраженіе „государева" земля забывалось, а съ перевода на выкупъ государственныхъ крестьянъ, мало по малу исчезло изъ крестьянской рѣчи.

Нѣтъ надобности приводить доказательства, что наше крестьянство крѣпко держится за свой взглядъ на землю, какъ на ничью, вольную. Десятками тысячъ приговоровъ и милліонами голосовъ оно кричало объ этомъ. Нужна воистину буржуазная невоспріимчивость къ чему-бы то ни было, выходящему за уровень буржуазной дрессировки и буржуазнаго консерватизма, чтобы утверждать, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые буржуазные публицисты, что крестьяне стремятся къ захвату земель сосѣднихъ помѣщиковъ въ свою собственность. Надо крѣпко на крѣпко заткнуть уши, чтобы не слышать того, что говорятъ крестьяне о земельной собственности.

Н. Ленинъ—писатель, взгляды котораго рѣзко расходятся съ нашими, и онъ призналъ, что „идея общенародной собственности на землю, чрезвычайно широко бродитъ теперь въ крестьянствѣ, и это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію". Конечно, не такъ надо формулировать то, что происходитъ на нашихъ глазахъ, но и это признаніе такого публициста, какъ Н. Ленинъ, очень характерно. Интересно далѣе, что лица, не имѣющія ничего общаго съ соціализмомъ

или анархизмомъ, не разъ соглашались, или безъ оговорокъ, или съ незначительными оговорками, съ тѣмъ, что крестьянство не признаетъ частной собственности на землю и требуетъ земли. Ужъ на что С. Витте и тотъ говорилъ когда-то: „никакого понятія о собственности въ сознаніе крестьянина не внѣдрилось. Въ послѣднее время мнѣ приходилось получать массу крестьянскихъ писемъ и записокъ. Что же говорятъ крестьяне? Очень просто. Они говорятъ: когда насъ освободили, то взяли землю у помѣщиковъ и отдали намъ — крестьянамъ. Теперь народу много; земли не хватаетъ; стало быть можно опять взять земли у помѣщиковъ и дать намъ. Съ точки зрѣнія крестьянъ такая идея совершенно естественна, логична“. Отбросивъ своеобразно-упрощенное изложеніе г. Витте, мы найдемъ въ его словахъ подтвержденіе высказаннаго нами положенія.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на томъ, что попытка правительства измѣнить убѣжденіе крестьянъ изданіемъ коварнаго закона 9-го ноября 1906 года не можетъ достичь этой цѣли. Даже тогда, когда земля фактически была отнята у крестьянъ и они сами были отданы въ рабство помѣщикамъ, даже тогда они упорно твердили: „а земля наша“, т. е. народная. Всѣ переходы земли изъ рукъ въ руки, обусловленные изданіемъ этого закона, будутъ разсматриваться и уже разсматриваются крестьянами, какъ глубоко несправедливое распредѣленіе земли (вынужденныя переверстки ея), и эта несправедливость должна быть исправлена, по ихъ мнѣнію, чернымъ передѣломъ въ его коммунистическомъ пониманіи.

Крестьянство не признаетъ права торговать землею, какъ не признавало во времена крѣпостничества права торговать людьми. „Купить-то ты ее купилъ,— говорили они въ 1902 году крестьянину, отбирая во время аграрнаго движенія „его“ (лишнюю) землю,— да нѣтъ такихъ правъ, чтобы ее мать-кормилицу покупать и

продавать", хотя, конечно, знали, что законъ разрѣшаетъ такую торговлю.

Крестьянство намѣрено отобрать, а не выкупить землю. Ни копейки не дастъ оно за нее добромъ. Делегатъ отъ московскихъ крестьянъ говорилъ на ноябрьскомъ съѣздѣ Крестьянскаго Союза (1905 г.) слѣдующее: „Разговоръ о выкупѣ меня возмущаетъ. Предлагаютъ платить деньги вчерашнимъ рабовладѣльцамъ, которые и теперь въ видѣ чиновниковъ или земцевъ устраиваютъ изъ нашей жизни скачку съ препятствіями! Мало-ли имъ переплатили за аренду? Я не могу сосчитать бочекъ нашей крови, которою мы полили землю. Мало этого: наши бабушки молокомъ своихъ грудей выкармливали борзыхъ щенятъ для нихъ. Это-ли не выкупъ? Столѣтіями мы были перекати-полемъ, а они нашимъ вѣтромъ. И теперь имъ опять платить? Нѣтъ! Не нужно дипломатическихъ переговоровъ: нуженъ одинъ путь — революціонный. Иначе, насъ опять обманутъ. Ужъ самый разговоръ о выкупѣ — сдѣлка. Товарищи, не повторяйте ошибки своихъ отцовъ. Въ 1861 году насъ перехитрили: дали маленько, чтобы народъ не взялъ всего"...

Такъ думаетъ и все крестьянство. „Мы земли имъ не продавали, — говорили орловскіе крестьяне, — ни за что не будемъ и выкупать. Мы и безъ того много платили, работая на нихъ за безбожно низкую цѣну... никакъ не должно платить выкупа. Господинъ землю тоже не съ луны навезъ, а его дѣды ее захватили". „Выкупъ будетъ прямой несправедливостью по отношенію къ народу, говорили казанскіе крестьяне; кромѣ земли нужно возвратить народу и выкупные платежи" (за надѣлы 1861 года). „Каждый купилъ вѣдь, — говорятъ крестьяне, — въ сущности не на свои деньги. Это значитъ, что кто сумѣлъ отнять землю у крестьянъ и перепродавать ее, это — воровство". Кто хоть пять

десятинъ купилъ, то не мозолистыми руками, то за чужой трудъ", твердятъ они.

Интересно, что и правительство, отдавая по закону 9-го Ноября въ собственность отдѣльнымъ лицамъ участки земли, выкупленные не тѣми, кто владѣетъ ими въ настоящее время, даетъ крестьянству прецедентъ не считаться съ тѣмъ, что владѣлецъ участка уплатилъ за него деньги. Впрочемъ, крестьянство не ищетъ доказательствъ того, что оно имѣетъ право взять всю землю въ общенародное достоянiе.

Настроенiе народныхъ массъ не могло не найти отклика въ болѣе чуткихъ представителяхъ нашей интеллигенцiи. Пестель — этотъ едва ли не генiальный человѣкъ, задушенный едва ли не идiотомъ Николаемъ I, — признавалъ за каждой семьей право на надѣлъ, обезпечивающiй продовольствiе, и указалъ, какъ дать неимущимъ возможность обзавестись сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ. Признанiе Пестелемъ за желающими права на полученiе бо́льшихъ участковъ земли сводится, при возможности для каждой семьи завести сельское хозяйство, къ праву фактически владѣть участкомъ, не превышающемъ трудовой нормы. Изъ работъ многочисленныхъ авторовъ сошлемся прежде всего на слова М. А. Бакунина, и мы увидимъ, что именно у народныхъ массъ учились наши писатели, какъ надо относиться къ земельному вопросу, а не народъ у нихъ. „Первая и главная черта (русскаго народа), — писалъ М. А. Бакунинъ, это всенародное убѣжденiе, что земля, вся земля принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворяющему ее собственноручнымъ трудомъ..." „Мы, великороссы, удержимъ древнее владѣнiе землею. Земля у насъ, какъ воздухъ, какъ вода, такъ же, какъ и лѣса, а въ лѣсахъ дичь—не должна никому принадлежать отдѣльно, а всѣмъ вообще. Это наше право, и мы крѣпко его придерживаемся". За принадлежность земли лично трудящимся на ней высказывался и Н. Жуковскiй. А. И. Герценъ писалъ, что право на землю „также

несомнѣнно въ народномъ сознаніи, также логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на воздухъ, пріобрѣтаемое дыханіемъ вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери". Н. Г. Чернышевскій, М. Михайловъ, первая соціалистическая организація 60-хъ годовъ „Земля и Воля", „Земля и Воля" 70-хъ годовъ говорили о землѣ-общемъ достояніи. Въ 1880 году тотъ же принципъ землепользованія былъ формулированъ рабочими членами народовольческой партіи: „Вся земля,—читаемъ мы въ ихъ программѣ,—переходитъ въ руки рабочаго народа и считается народной собственностью. Каждая отдѣльная область отдаетъ землю въ пользованіе общинамъ или отдѣльнымъ лицамъ, но только тѣмъ, кто самъ занимается обработкой ея. Никто не въ правѣ получить больше того количества, которое онъ самъ въ силахъ обработать .."

Въ послѣднее время часть соціалистовъ и анархисты высказывались за переходъ всей земли въ общенародное достояніе.

Всѣ эти заявленія или желанія являются болѣе или менѣе точнымъ отраженіемъ народныхъ взглядовъ на землепользованіе.

Самыми разнообразными путями подошло наше крестьянство къ той само-очевидной для него истинѣ, по которой никто не долженъ эксплуатировать чужой трудъ, и никому нельзя давать орудіе для такой эксплуатаціи, а въ частности нельзя давать много земли. Часть нашихъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей придерживались и придерживаются такого же взгляда.

II.

Ничья земля.

Крестьянское возстаніе, разъ только оно не будетъ подавлено, поведетъ за собою уничтоженіе частной собственности на землю. Оно несомнѣнно совпадетъ съ возстаніемъ пролетаріата, который объявитъ общимъ достояніемъ остальныя средства производства и многіе товары, такъ какъ „всѣ части того механизма, который представляетъ собою наше хозяйственное устройство, такъ тѣсно связаны между собою, что невозможно дотронуться до одной изъ нихъ, не затронувъ вмѣстѣ съ тѣмъ всего остального" (П. Кропоткинъ).

Земля перейдетъ въ общее достояніе, которое нельзя смѣшивать ни съ государственной, ни съ общественной собственностью.

Многіе источники сырыхъ матеріаловъ, много земли захвачены отдѣльными лицами. Эти послѣднія не могутъ личнымъ трудомъ разрабатывать захваченное, такъ какъ ихъ захваты слишкомъ обширны. Доказывать вредъ такихъ захватовъ для общежитія намъ не приходится. Захватъ первоисточника всей пищи — земли—такъ же недопустимъ, какъ захватъ необходимаго для дыханія воздуха.

Наличность собственности на землю ничего не доказываетъ. Всегда находились люди, готовые объявить своею собственностью все, что можно и что имъ позволили присвоить. Въ средніе вѣка была даже сдѣлана попытка захватить въ собственность вѣтеръ. Когда въ Европѣ появились вѣтряныя мельницы, духовенство, дворянство и короли стали спорить о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ вѣтеръ и кто, слѣдовательно, имѣетъ право получать деньги съ владѣльцевъ мельницъ, получающихъ отъ вѣтра двигательную силу. Если бы

техники того времени изобрѣли приборы, записывающіе силу вѣтра, то кто-либо изъ этихъ эксплуататоровъ и объявилъ бы вѣтеръ своею собственностью. Законъ каралъ бы нарушеніе правъ священной собственности на вѣтеръ и нашлось бы сколько угодно „теоретиковъ“ и „практиковъ“, защищающихъ эти права, какъ находятся они для защиты права частной собственности на землю.

Право собственности рѣзко противополагается общему достоянію. Право собственности опредѣляется какъ право пользоваться своей вещью и злоупотреблять ею, поскольку это допускается духомъ права. Такъ переводится, по школьному толкованію, опредѣленіе права собственности, данное римскими юристами. Другое толкованіе (едва ли имѣющее за собою больше основаній) замѣняетъ слово „злоупотреблять“ словомъ „отчуждать“. Общественное же достояніе не признаетъ наличности „своей“ вещи, не допускаетъ ни права ея отчужденія, ни права злоупотреблять ею, которое сводится нынѣ къ праву собственника эксплуатировать не-собственниковъ.

При установленіи общаго достоянія, земля принадлежитъ всѣмъ, и всѣ имѣютъ право равнаго пользованія ея продуктами. Понятіе „общее достояніе“ сливается съ понятіемъ „коммунизмъ“. Но исторически возможно, что принадлежность земли всѣмъ будетъ предшествовать коммунистическому распредѣленію продуктовъ труда. Тѣмъ не менѣе, съ момента перехода земли въ общее достояніе, сразу-же будетъ сдѣланъ шагъ къ уравненію доходовъ.

Разъ земля принадлежитъ всѣмъ, это значитъ только, что она — ничья. Такими ничьими вещами являются въ настоящее время воздухъ, иногда дороги, площади и т. д.

При установленіи общаго достоянія ничья вещь является ничьей не потому, что ее фактически нельзя захватить въ собственность, какъ напримѣръ, нельзя захватить звѣзды, не потому, что ее не успѣлъ еще захватить получившій возможность и пожелавшій сдѣлать это че-

ловѣкъ, а потому, что такого захвата ея не допускаетъ общественное пониманіе справедливости.

Ничьи вещи нельзя отчуждать ни продажей, ни мѣной, ни дареніемъ, ни арендой, ни какъ либо иначе. Ими нельзя злоупотреблять, обративъ напр. землю въ мѣсто для охоты въ то время, когда людямъ не хватаетъ хлѣба, сдавъ ее въ аренду или обрабатывая наемнымъ трудомъ. Здѣсь не мыслимы, слѣдовательно, заработная и арендная плата, не мыслимы прибыль или рента, получаемыя съ пользующихся землею людей.

Трудящіеся будутъ, разумѣется, пользоваться ничьими средствами производства и, пока они работаютъ, эти средства находятся у нихъ, не какъ у собственниковъ, а какъ у рабочихъ. Точно также современный рабочій пользуется, работая, чужой, а не своей машиной.

Разъ человѣкъ пересталъ обрабатывать землю, онъ теряетъ на нее всѣ права. Трудъ не создаетъ, при установленіи общаго достоянія, права собственности на средства производства. Онъ даетъ только права пользованія ими во время производства.

Строго говоря, ничьей вещью можно пользоваться только въ интересахъ всѣхъ, а не въ своихъ личныхъ интересахъ. При этомъ мы встрѣчаемся съ коммунизмомъ. Но такъ какъ устроиться на коммунистическихъ началахъ, несмотря на всю простоту этого устройства, удастся людямъ не сразу, то при объявленіи земли общимъ достояніемъ, мы встрѣтимся только съ приближеніемъ къ коммунистическому общежитію, съ такой формой распредѣленія сельскохозяйственныхъ продуктовъ, которая очень сильно уравняетъ доходы отдѣльныхъ лицъ.

Отъ этого сравнительно равномѣрнаго распредѣленія общественнаго дохода, переходъ къ распредѣленію продуктовъ по потребностямъ каждаго, т. е. къ полному равенству, — очень легокъ, какъ психологически, такъ и экономически.

III.

Коммунизація земли.

Коммунизація земли и вытекающее изъ нея землепользованіе могутъ быть осуществлены только народными массами. Всѣ попытки организовать землепользованіе сверху (членами, напр., парламента, или органовъ мѣстнаго самоуправленія) являются не только безполезными, но и вредными для трудящихся массъ.

Послѣ захвата земли въ общее достояніе, она будетъ равномѣрно распредѣлена крестьянствомъ между селеніями и отдѣльными землепашцами. Размѣры отдѣльныхъ участковъ не будутъ превышать той площади, на которой можно использовать рабочую силу получившихъ эти участки лицъ. Гдѣ не хватитъ земли, тамъ участки поневолѣ будутъ меньше, но добровольныя переселенія изъ малоземельныхъ въ многоземельныя мѣстности устранятъ рано или поздно это неравенство. Во всякомъ случаѣ, оно будетъ неизмѣримо меньше существующаго. Излишки надъ „трудовой нормой" будутъ отобраны у всѣхъ землевладѣльцевъ.

Батраки, арендаторы, малоземельные крестьяне въ первую голову получатъ землю. Желающіе заняться сельскимъ хозяйствомъ горожане получатъ землю въ многоземельныхъ районахъ. Надо замѣтить, что такъ какъ одновременно съ коммунизаціей земли, въ общее достояніе перейдутъ промышленныя, транспортныя и торговыя предпріятія, то городское населеніе не предъявитъ большого спроса на коммунизированную землю.

Коммунизація земли подниметъ доходность сельскихъ хозяйствъ. Болѣе крупные размѣры обрабатываемыхъ участковъ повысятъ благосостояніе крестьянской массы. Въ рукахъ крестьянъ останутся тѣ сотни милліоновъ,

которые ежедневно отнимаются у пахарей подъ видомъ прибыли и арендной платы. Исчезнетъ крупное землевладѣніе и крупное сельское хозяйство, кабалящія крестьянъ и мѣшающія имъ работать такъ производительно, какъ они могутъ. Повысится благосостояніе крестьянъ и отъ улучшеннаго хозяйства. Оно появится какъ въ силу того, что крестьяне получатъ возможность завести четвертое поле, такъ и въ силу того, что исчезнетъ главное препятствіе для улучшенія крестьянскаго хозяйства — наличность экстенсивныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ.

Важной выгодой, которую получитъ общежитіе, явится и исчезновеніе празднаго, глубоко невѣжественнаго, хотя и усвоившаго внѣшнюю культуру, класса крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, всегда враждебныхъ народу и его стремленіямъ къ благосостоянію.

Весь селькій инвентарь частновладѣльческихъ не-трудовыхъ хозяйствъ всегда считался крестьянскими массами принадлежащимъ трудовому населенію. Весь онъ, явившись результатомъ народнаго труда, къ народу же и перейдетъ. Въ первую голову имъ будутъ надѣлены наиболѣе обездоленные дворы пахарей.

IV.

Возраженія противъ коммунизаціи земли.

Нѣтъ основаній оплакивать будущее уничтоженіе крупныхъ эксплуататорскихъ хозяйствъ. Этимъ могутъ заниматься только враги соціализма, въ томъ числѣ и соціаль-демократы.

Понятно, что тамъ, гдѣ будетъ выгодно организовать крупное сельское хозяйство, тамъ оно и появится, но не въ видѣ принудительно-эксплуататорскихъ, а въ видѣ вольныхъ товарищескихъ хозяйствъ.

Отрицательной стороной коммунизаціи земли считается исчезновеніе помѣщичьихъ хозяйствъ. Наличность послѣднихъ считается выгодной для всего населенія страны. Въ этомъ случаѣ забываютъ, что помѣщики, прежде всего, — эксплуататоры, что ихъ рабочіе обычно живутъ въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ скотъ, что эти хозяйства, если и повышаютъ чье-либо благосостояніе, то только благосостояніе помѣщиковъ за счетъ окрестнаго населенія. Безусловно правъ былъ проф. А. А. Исаевъ, указывая, что говорить „о какомъ то общемъ культурномъ вліяніи, которое будто бы оказываетъ на крестьянъ самое существованіе крупныхъ владѣній, значитъ странствовать въ области неприличнаго вздора". *) Чѣмъ

*) „Въ Канадѣ, за послѣдніе 15--20 лѣтъ хлѣбная производительность повысилась по крайней мѣрѣ на 10 проц. на каждую десятину площади, засѣваемой пшеницей. Достигли же этого не образцовыми помѣщичьими хозяйствами („Мамонтовыя фермы" въ десятки тысячъ десятинъ давно исчезли въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ, даже на Дальнемъ Западѣ), а достигли образцовыми опытными фермами, которыя содержатся въ Канадѣ—одна, главная, въ Оттавѣ и около десяти другихъ — по одной въ каждой природной области. На этихъ общественныхъ опытныхъ фермахъ испытываются всевозможные сорта — сотни сортовъ хлѣбовъ, кормовыхъ растеній, травъ, живыхъ изгородей, плодовыхъ деревьевъ (150 сортовъ яблонь изъ одной Россіи, забайкальскіе сорта пшеницы, рижскія кормовыя травы и т. п.) Фермеры теперь въ Канадѣ небольшіе — рѣдко кто имѣетъ болѣе 60-и десятинъ, и люди они простые, малознающіе. Машины жатвенныя, сѣнокосилки они покупаютъ обыкновенно вчетверомъ. Чтобы ихъ научить лучшимъ способамъ хозяйства, имъ зимою читаютъ лекціи, а осенью составляютъ цѣлые поѣзда и они ѣдутъ изучать образцовыя фермы. Но этого мало. „Листокъ" главной фермы печатается въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ и разсылается безплатно каждому желающему. Писемъ фермерамъ пишутъ свыше 100.000 въ годъ. А главное—всякому желающему ферма высылаетъ безплатно 5 фунтовъ сѣмянъ пшеницы, проса, по желанію — лучшихъ для данной мѣстности — съ наставленіемъ что дѣлать, чтобы на будущій годъ изъ этихъ пяти фунтовъ получить хорошія сѣмена на засѣвъ цѣлаго поля. Желающіе сообщаютъ фермѣ о результатахъ и завязываютъ пе-

скорѣе исчезнутъ съ лица русской земли всевозможные помѣстья и помѣщики, тѣмъ будетъ лучше для сельско-хозяйственнаго прогресса. Что же касается до обиды, которая будетъ нанесена такимъ образомъ помѣщикамъ и которую выставляютъ какъ доводъ противъ коммунизаціи земли, то такое слово можно употребить здѣсь только въ томъ случаѣ, если обидой можно назвать обезоруженіе живущаго грабежомъ разбойника.

Возражая противъ коммунизаціи, одни указываютъ на невозможность уничтожить вольнонаемный трудъ, другіе оплакиваютъ возможность его уничтоженія. Первое указаніе безусловно ошибочно. Часть крѣпостниковъ тоже мечтала, что раскрѣпощенные крестьяне будутъ умолять вновь закрѣпостить ихъ. Наемный трудъ исчезнетъ просто потому, что участки земли не будутъ превышать трудовой нормы, и потому что каждый земледѣлецъ получитъ возможность быть, или самостоятельнымъ работникомъ, или артельщикомъ. Наше крестьянство вполнѣ сознательно считаетъ несправедливымъ наемничество. Вотъ почему такъ хмуро и неохотно работаетъ крестьянинъ даже при сносныхъ условіяхъ найма, приводя помѣщика въ негодованіе своею «недобросовѣстностью». Вотъ почему такъ весело и бойко работаетъ «помочь», которая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такъ и называется «веселой работой».

Говорить о замаскированныхъ формахъ наемнаго тру-

реписку. И на каждой образцовой фермѣ сидитъ не баринъ, а работникъ — ни дать, ни взять — по типу нашъ русскій студентъ—изъ бодрыхъ, работающихъ и дѣловитыхъ. И на главной фермѣ Саундерсъ — такой же здоровый работникъ, не боящійся физическаго труда. Я въ этомъ убѣдился въ 1897 году, когда мы вмѣстѣ объѣзжали опытныя фермы Далекаго Запада и, попавши разъ въ дикій еще лѣсъ, гдѣ росла особая порода ели, обѣщавшая хорошіе результаты для живыхъ изгородей, втроемъ дергали нѣсколько часовъ подрядъ молодыя деревца, которыхъ и послали нѣсколько сотъ для опытовъ на главную станцію".

(Изъ письма товарища.)

да положительно не стоитъ. Разъ будетъ въ корнѣ подорвана необходимость наниматься и нанимать, то только исключительныя обстоятельства создадутъ добровольца-наймита. Въ такихъ же случаяхъ, какъ болѣзнь крестьянина, земля больного будетъ обрабатываться міромъ, хотя бы потому, что каждый членъ послѣдняго въ свою очередь рискуетъ заболѣть.

Лицамъ, жалѣющимъ о фактической отмѣнѣ наемнаго труда, надо замѣтить, что ихъ доводы, сводящіеся къ необходимости наемнаго труда для созданія высококультурныхъ хозяйствъ, глубоко ошибочны. На свѣтѣ существуетъ громадное число сельскихъ хозяйствъ трудового типа, высоко поднявшихъ земледѣльческую культуру, безъ какого бы то ни было примѣненія наемнаго труда.

Какъ доказательство необходимости наемнаго труда приводится примѣръ человѣка, желающаго развести фруктовый садъ и не могущаго нанять рабочихъ. Но, если онъ имѣетъ серьезныя основанія развести такой большой садъ, что потребуется много работниковъ, то онъ найдетъ артельщиковъ для этого, На разумное дѣло не трудно будетъ найти товарищей.

Нечего и говорить, что дѣльные агрономы всегда найдутъ примѣненіе своимъ знаніямъ, какъ въ крупныхъ артельныхъ хозяйствахъ, такъ и на опытныхъ участкахъ. Скорѣе приходится бояться того, что у насъ не хватитъ агрономовъ, чѣмъ того, что они не найдутъ приложенія своимъ знаніямъ.

Конечно, надо прямо-таки не понимать, что называется коммунизаціей земли, для того, чтобы говорить о концентраціи земли въ рукахъ крестьянъ, обладающихъ лучшими орудіями труда и т. п. Средства производства не будутъ уже давать въ обновленной Россіи возможности обездоливать себѣ подобныхъ. Даже въ настоящее время хорошо оборудованныя трудовыя хозяйства существуютъ наряду съ плохо оборудованными, и послѣднія не думаютъ уступать первымъ. Трудовое, въ значитель-

ной степени потребительское, хозяйство не боится конкуренціи и при мало-мальски нормальныхъ условіяхъ обзаводится лучшими средствами производства. Да, и вообще говоря, концентрація земли не наблюдается въ настоящее время.

Въ высшей степени странно звучитъ, тотъ рѣдко, впрочемъ, употреблявшійся, доводъ противъ коммунизаціи земли, который сводится къ заявленію, что крестьянинъ, плохо ведущій въ настоящее время свое малоземельное хозяйство, еще хуже поведетъ его на большомъ надѣлѣ. Такое возраженіе могло придти только въ голову человѣка, совершенно незнакомаго съ условіями сельскохозяйственной и въ частности русско-крестьянской жизни. Ясно, что, получивъ землю, малоземельныя хозяйства только окрѣпнутъ. Присмотритесь къ хозяйствамъ на большихъ и малыхъ надѣлахъ, просмотрите земско-статистическіе сборники, поговорите съ крестьянами, не разъ видавшими, какъ оправлялись дворы, получившіе больше земли при новомъ передѣлѣ, и у васъ отпадетъ охота оспаривать это фантастическое положеніе. Азбучной истиной является то положеніе, что малоземелье, обострившееся такъ, какъ оно обострилось въ Россіи, является неодолимымъ препятствіемъ въ дѣлѣ земледѣльческаго прогресса.

Нѣтъ сомнѣнія, что освободившееся крестьянство быстро улучшитъ сельскохозяйственныя орудія, пріобрѣтетъ и сельскохозяственныя машины. Какъ это ни удивительно, но мы встрѣчаемся иногда съ вопросомъ, откуда возьметъ крестьянство средства для пріобрѣтенія хорошихъ орудій труда и машинъ. Конечно, экспропріація находящагося у помѣщиковъ инвентаря далеко еще не поставитъ крестьянскій инвентарь на желательную высоту. Помѣщичій инвентарь очень плохъ и имъ обрабатывается относительно небольшая площадь (не болѣе 14 проц. сельскохозяйственной площади). Тѣмъ не менѣе поставленный вопросъ глубоко не серьезенъ. Если въ первое время послѣ коммунизаціи крестьянство будетъ

торговать своими продуктами, то оно получитъ тѣ деньги, которыя попадаютъ нынѣ въ карманъ крупнымъ землевладѣльцамъ и купитъ нужныя средства производства. Да и самый трудъ крестьянъ станетъ производительнѣе. Впослѣдствіи люди откажутся отъ такого грубаго и несовершеннаго пріема распредѣленія, какимъ является торговля, и крестьяне будутъ получать орудія труда изъ городовъ или заводскихъ поселеній, гдѣ они будутъ выдѣлываться и куда крестьяне будутъ доставлять свои продукты. Гдѣ люди трудятся, тамъ будутъ и орудія труда.

Нечего бояться и того, что у крестьянъ не хватитъ инвентаря для обработки увеличившейся площади земли. Если его хватаетъ теперь (а кое гдѣ онъ имѣется даже въ избыткѣ), — хватитъ и потомъ. Вѣдь помѣщичій инвентарь перейдетъ къ нимъ.

Пока крестьянство не организуется на коммунистическихъ началахъ, до тѣхъ поръ будетъ наблюдаться и разница въ благосостояніи отдѣльныхъ хозяйствъ, но, конечно, исчезнетъ современное безобразное неравенство. Немыслимая при новомъ строѣ эксплуатація наемниковъ не будетъ уже обогащать однихъ людей за счетъ другихъ. Коммунизація земли, это—установленіе переходнаго времени и она не можетъ ликвидировать всѣ недочеты современнаго общества. Тѣмъ не менѣе, она является очень важнымъ пріобрѣтеніемъ, такъ какъ вырветъ изъ рукъ эксплуататоровъ то средство производства, захватъ котораго, какъ и захватъ промышленнаго капитала, является въ настоящее время могучимъ орудіемъ угнетенія и сильнѣйшимъ факторомъ неравенства, вырветъ землю и расчиститъ путь къ коммунизму.

Крестьяне будутъ уходить все таки въ города, но этотъ отходъ не будетъ порожденіемъ отчаянія, не будетъ безпорядочнымъ бѣгствомъ отъ безработицы и голода, каковымъ онъ является въ настоящее время. Нѣкоторые изъ крестьянъ уйдутъ въ города потому, что захотятъ удовлетворить легче удовлетворяемыя въ

городѣ культурныя потребности Но въ первое время такой отходъ будетъ очень слабъ, а впослѣдствіи и въ селеніяхъ нетрудно будетъ удовлетворять высшіе культурные запросы. На крестьянъ не приходится смотрѣть, какъ на людей, которыхъ почему-то надо прикрѣпить къ землѣ и не такъ далеко уже то время, когда люди будутъ легко мѣнять занятія и человѣкъ попеременно будетъ то пахаремъ, то работать въ индустріи, то въ транспортѣ и т. д., какъ это бываетъ, впрочемъ, при наличности нѣкоторыхъ затрудненій, и въ настоящее время.

Не серьезно, къ слову сказать, указаніе на то, что пролетарій, не имѣющій орудій труда, не сможетъ завести на коммунизированной землѣ сельскаго хозяйства. Разъ земля будетъ коммунизирована, не будетъ и пролетаріевъ, такъ какъ и они разрушатъ капиталистическій строй. Горожане же, объявившіе всѣ средства производства общимъ достояніемъ, всегда смогутъ оборудовать хозяйство городского работника, пожелавшаго заняться земледѣліемъ. Будущее общество безъ труда организуетъ переходъ отъ коммунизированной земли къ коммунизированнымъ средствамъ индустріи и транспорта и наоборотъ.

Нельзя думать, что на взятую въ общее достояніе землю тотчасъ же хлынутъ массы горожанъ. Послѣднимъ не будетъ надобности бѣжать въ деревню, такъ какъ средства производства будутъ коммунизированы и въ городѣ.

Говорится, что жители Кавказа, поляки, латыши и пр. не согласятся коммунизировать землю. Очень жаль, если это правда (что, впрочемъ, сомнительно), но вѣдь мы не желаемъ вмѣшиваться въ дѣла всѣхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ русское то крестьянство коммунизируетъ землю и этотъ примѣръ будетъ поучительнымъ для нашихъ сосѣдей. Не наше дѣло заботиться о дѣлахъ нынѣ порабощенныхъ Россіей иностранцевъ. Ни-

кто насъ не проситъ объ этомъ. Они будутъ свободны, и сами устроятся, какъ пожелаютъ.

До того, какъ отнесутся къ коммунизаціи крупные землевладѣльцы-эксплуататоры, будь они десять разъ крестьяне по своему сословію, намъ нѣтъ никакого дѣла. Отъ этихъ эксплуататоровъ давно пора освободить и землю и пахарей.

Указывается и на то, что между селеніями, около которыхъ будутъ находиться участки коммунизированной земли, возникнутъ споры, ссоры и даже драки. Мало ли изъ за чего люди ссорятся, если не умѣютъ сразу разобраться въ своихъ дѣлахъ и не отличаются сдержанностью. Но наши крестьяне — не малыя дѣти. Если ссора и возникаетъ, она все же улаживается, и чѣмъ дальше будетъ указующее начальство (будь оно хоть разъ-соціаль-демократическое), тѣмъ разумнѣе будетъ разрѣшеніе спора. „Міръ — великъ человѣкъ“, и сходъ жителей разныхъ селеній сумѣетъ разобраться въ любомъ дѣлѣ. Исторія перехода отъ захватнаго къ передѣльному землепользованію служитъ порукой, что крестьяне справятся съ такими затрудненіями. Замѣтимъ, кстати, что правительственное давленіе уничтожило у насъ совмѣстные сходы деревень, что наше нелѣпое, насильственное писаное право раздуваетъ крестьянскія распри.

Ссылка на то, что, признавъ землю ничьею, придется передать ее въ общее достояніе всего человѣчества отнюдь не пугаетъ насъ. Но ясно, что фактически землю займетъ ближайшее къ ней населеніе. Было бы безсмысленно пригласить въ Тульскую губернію дагомейцевъ, а черниговцевъ въ Португалію. Народы начнутъ устраиваться въ предѣлахъ своихъ территорій, и разъ только вся земля какой-либо страны будетъ обрабатываться, переселеніе пахарей въ эту страну фактически невозможно. Но если въ Россіи напр. окажется, благодаря высокой интенсивности хозяйства, незанятая земля, то и по нашему мнѣнію и по народному міровоззрѣнію ей не къ чему пропадать даромъ: русскимъ нѣтъ смысла

разыгрывать роль собаки при сѣнѣ, которая сама не ѣстъ и другимъ не даетъ, и они ничего не будутъ имѣть (какъ не имѣли при многоземельи и раньше) противъ колонистовъ, которые личнымъ трудомъ начнутъ обрабатывать свободную землю.

Указывается далѣе и на то, что нетрудоспособные, напр. вдовы съ малолѣтними дѣтьми, останутся безъ земли и безъ хлѣба. Именно теперь часто встрѣчаются безземельные вдовы, малолѣтки, калѣки и пр., хотя они живутъ рядомъ съ богатыми землею помѣщиками, которые не обращаютъ на нихъ вниманія, и рядомъ съ бѣдными крестьянами, которые рады бы помочь имъ, да не могутъ. При коммунизаціи, земля будетъ нарѣзана и вдовамъ, и дѣтямъ, и калѣкамъ. Лучше всего отводить этимъ лицамъ землю къ одному мѣсту. Эти участки будутъ обрабатываться не наемнымъ трудомъ, а всѣмъ міромъ, его помочью. Строй коммунизаціи, даже въ первой своей стадіи, является столько же правомъ на трудъ, сколько и правомъ на существованіе. Что «помочи» широко разовьются при коммунизаціи — въ этомъ порукой обычное право трудового крестьянства, та идейность, которою проникается оно, разъ дѣло идетъ о справедливомъ распредѣленіи земли, сознаніе, что семья каждаго крестьянина можетъ попасть въ разрядъ нетрудоспособныхъ, глубокое пониманіе того, что, добившись справедливости для себя, надо быть справедливымъ и по отношенію къ другимъ. Эти помочи явятся, вѣроятно, одной изъ предпосылокъ общихъ, шире примѣняемыхъ артельныхъ работъ.

Можно бы было привести еще нѣсколько еще болѣе слабыхъ возраженій противъ коммунизаціи (въ томъ числѣ и обычный доводъ слабыхъ умовъ — ссылку на утопичность этого установленія), но едва ли стоитъ тратить на это время. Всегда найдутся люди, которые изъ тѣхъ или иныхъ соображеній будутъ выдвигать противъ коммунизаціи болѣе или менѣе не серьезныя, прикрытыя quasi-научной терминологіей возраженія. Найдутся

и такіе, которые передъ самымъ пустымъ затрудненіемъ будутъ въ недоумѣніи разводить руками. Полемизировать съ ними такъ же безполезно, какъ гоняться съ топоромъ за мухами.

Въ заключеніе остановимся на одномъ характерномъ эпизодѣ. Указывалось въ спорѣ соціаль-демократовъ съ соціалистами-революціонерами, что плодами революціи, совершенной побѣдоносным пролетаріатомъ (подразумѣвались забастовки 1905 года), воспользуются, соціализировавъ землю, одни только крестьяне. Но плоды революціи даже не начали расти, да и не вырастутъ, если крестьяне не поднимутся вмѣстѣ съ рабочими. Если пролетаріатъ будетъ побѣдоноснымъ, если эти слова не будутъ простой ложью,—онъ возьметъ въ общенародное достояніе средства производства, и это случится только тогда, когда побѣдоносное крестьянство возьметъ въ общее достояніе землю. Но допустивъ невозможное, допустивъ даже, что соціализація (мы думаемъ, что коммунизація) земли совершится раньше захвата рабочими средствъ производства въ общее достояніе — надо замѣтить, что лица, говорившія пролетаріату, что его побѣдою воспользуются крестьяне, попали въ плохую компанію. По словамъ Жореса, спеціалисты по части ажіотажа и спекуляціи говорили рабочимъ времени первой французской революціи: — „если раздадутъ крестьянамъ національныя имущества — старыя владѣнія дворянства, духовенства и эмиграціи, то какая польза отъ этого будетъ для васъ — остальные рабочіе? Вѣдь это васъ обокрадутъ въ пользу крестьянъ“.

V.

Право на трудъ и на продукты труда въ крестьянскомъ пониманіи.

Наше крестьянство, по своему исконному міровоззрѣнію, признаетъ не простое право на продуктъ труда, а право на этотъ продуктъ, полученный при равныхъ условіяхъ труда и производства, и поскольку можетъ, оно постольку и проводитъ это начало въ жизнь.

Но крестьяне безсильны бороться съ тѣми условіями жизни, которыя властно диктуются промышленнымъ, торговымъ, денежнымъ капиталомъ и землевладѣніемъ. Власть этихъ силъ (лозунгъ которыхъ — неравенство) недостаточно учитывается крестьянствомъ въ этомъ ихъ міровоззрѣніи. Отъ стараго времени у крестьянъ сохранился взглядъ, по которому равные по размѣрамъ и плодородію участки земли создадутъ, какъ равный инвентарь, такъ и равное благосостояніе. Какъ ни ошибочно это заключеніе, но оно все таки является нѣкоторымъ приближеніемъ къ истинѣ.

Крестьянинъ, въ теченіи долгаго времени знавшій натуральное хозяйство, смотрѣвшій на оброки, барщину и подати, какъ на насильственную дань, считаетъ правильнымъ, чтобы произведенные имъ продукты оставались въ его пользованіи, причемъ «своимъ» пользованіемъ онъ мыслитъ и пользованіе близкихъ ему, а иногда и не близкихъ ѣдоковъ.

Принципъ права на трудъ и принципъ права на продукты труда сливается у крестьянъ въ одно цѣлое. Крестьянинъ долженъ имѣть землю для того, чтобы трудиться на ней и пользоваться продуктами своего труда.

Крестьянинъ не особенно-то восхищается тѣмъ правомъ на трудъ, которое мирится съ наемнымъ трудомъ и говоритъ только объ обязанности государства или обще-

ства доставить безработному какую ни на есть работу, хотя бы работу батрака или чернорабочаго. Крестьянство знаетъ право на трудъ въ видѣ пользованія вольной землей, при наличности равныхъ условій ея обработки (равные земельные паи) и при отсутствіи отобранія добытыхъ трудомъ продуктовъ какимъ либо не трудящимся лицомъ или учрежденіемъ.

Условія современной жизни не позволяютъ крестьянамъ воплотить ихъ міровоззрѣніе въ жизненныя формы, но что удается, то ими и дѣлается въ этомъ направленіи. Крестьяне-общинники тщательно проводятъ на владѣемой ими землѣ принципъ равныхъ условій труда. Разъ условія фиска и другія условія внѣшней жизни не мѣшаютъ этому, они дѣлятъ землю такъ, чтобы каждому однообщественнику досталось не только по равному участку земли, но и по участку равнаго плодородія, по участку, находящемуся вблизи и по участку, находящемуся вдали отъ усадьбы. Ими какъ бы предполагается, что при равенствѣ и равнокачественности участковъ получится одинаковый инвентарь, будетъ равный трудъ. Если же мы и имѣемъ дѣло не съ одинаковымъ инвентаремъ, не съ одинаковыми условіями труда, то только потому, что внѣ воздѣйствія крестьянъ лежатъ нынѣ тѣ условія жизни, которыя создаютъ это неравенство.

Крестьянамъ подворнаго владѣнія не приходится уже дѣлить такимъ образомъ землю, но и они мечтаютъ о великомъ передѣлѣ земли.

VI.

Общій трудъ и общее хозяйство.

Стремленіе къ общей дѣятельности, проявляющееся даже при современныхъ противу-соціальныхъ условіяхъ,

надо считать однимъ изъ могучихъ факторовъ въ дѣлѣ созданія коммунистическаго общества, а такое стремленіе нашихъ крестьянъ бросалось въ глаза даже не соціалистамъ. „Помните, —писалъ К. Д. Кавелинъ въ письмѣ къ Н. А. Блокъ, —что у русскаго народа есть удивительная природная способность жить и дѣйствовать міромъ, обществомъ“ и эту способность К. Д. Кавелинъ (другой вопросъ — насколько основательно) противополагаетъ «индивидуальности» нѣмцевъ.

Нашего крестьянина-общинника — «мірского» человѣка не удивишь предложеніемъ устроить артельное хозяйство. Не испугается нашъ крестьянинъ разговора о преимуществахъ союзно-артельной работы и потому, что она не оторветъ его отъ привычной домашней обстановки. Крестьянинъ взвѣситъ выгоды и невыгоды такого предложенія и, разъ послѣднее сдѣлано въ разумной и практичной формѣ, выгоды кажутся ему перевѣшивающими невыгоды. Ничего необычнаго и страннаго новый порядокъ по существу своему не представитъ: „всѣ перемѣны выразятся въ замѣнѣ обычныхъ орудій и пріемовъ болѣе совершенными“, въ уничтоженіи межниковъ и пограничныхъ бороздъ, въ общей работѣ, которая, даже при наемномъ трудѣ, не вызываетъ вражды и часто практикуется какъ общинниками, такъ и подворниками по добровольному соглашенію.

Крестьянину не трудно понять, что отказъ отъ принадлежащихъ ему на правахъ собственности средствъ производства и передача ихъ въ общее достояніе не будетъ имѣть ничего общаго съ пролетаризаціей настоящаго времени, что новый строй не помѣшаетъ ему остаться въ своей избѣ, обстановка которой безспорно улучшится.

Даже зажиточный крестьянинъ соображаетъ, что при отдѣльномъ хозяйствѣ возможность неурожаевъ, болѣзни, падежа скота и пр. виситъ и надъ нимъ и надъ его дѣтьми, что ему трудно зарекаться отъ задолженности, а послѣдняя не такъ далеко отстоитъ отъ разzоренія.

Крестьяне, кромѣ рѣдкихъ случаевъ (послѣдніе, впрочемъ, не такъ исключительны, какъ принято думать), ведутъ не артельныя, а отдѣльныя сельскія хозяйства. Причины, мѣшающія имъ объединиться въ артели-общины, сводятся къ неравномѣрному распредѣленію сельско-хозяйственнаго инвентаря по дворамъ, къ невозможности, при условіи ожесточенной нужды, поставить артельное хозяйство такъ, чтобы всѣ были сыты, одѣты, обуты и пр., къ тому, что устройство такой артели является для задолжавшихся крестьянъ безсмыслицей, такъ какъ весь излишекъ, который получится отъ того, что кооперація подниметъ производительность труда, пойдетъ на пользу начальства, которое сразу взыщетъ недоимки, въ пользу землевладѣльца, который подниметъ арендную плату, въ пользу капиталиста, эксплуатація котораго будетъ сопряжена съ меньшимъ рискомъ и т. д. и т. д.

Итакъ крестьяне ведутъ индивидуалистическое хозяйство, и кромѣ того крайне враждебно относятся къ казарменной жизни. Крестьянина не соблазнишь самой благоустроенной казармой: онъ сторонникъ отдѣльной избы—„хоть щей горшокъ (и только), да самъ большой". Никакими разговорами не убѣдишь его, что жизнь батрака въ благоустроенномъ имѣніи является болѣе желательной, чѣмъ крестьянская, хотя бы полуголодная жизнь. Дѣло сводится здѣсь не только къ независимости при работѣ, но и къ отдѣльной избѣ—къ независимости въ жизни. Нельзя говорить съ крестьянами о фаланстерахъ, которые, къ слову сказать, вовсе не нужны въ будущемъ обществѣ.

—„Послушай, говорю я своему хорошему знакомому, пожилому уже крестьянину, подѣлимъ мы землю, инвентаря у всѣхъ будетъ достаточно, почему же намъ не работать міромъ?" —„А зачѣмъ?" — „Какъ зачѣмъ? вѣдь при отдѣльномъ хозяйствѣ заболѣешь ты, и твоя полоса останется незапаханной, семья будетъ голодать". —„Зачѣмъ незапаханной—запашутъ".—Кто запашетъ?"

—„Да наши мужики запашутъ“ (говорится вполнѣ увѣренно).—„Ну, а если умрешь, останутся дѣти—сироты, тогда какъ?“ —„Все такъ же; запашутъ и ихъ надѣлъ: вѣдь самъ же ты говорилъ, что сиротскій надѣлъ міромъ пахать будемъ“.—„Да почему же ты міромъ всю работу не хочешь работать?“ —„Для чего не хотѣть; мы отъ міра не отходчики, какъ міръ, такъ и мы... да только ты лучше скажи, для чего намъ міромъ работать?“

А кто знаетъ,—для чего? Пустяковъ крестьянину говорить нельзя; я великолѣпно знаю, что онъ мыслитъ свое отдѣльное хозяйство совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ буржуа, а всѣ мои аргументы хороши тогда, когда рѣчь идетъ о буржуазномъ хозяйствѣ. Я знаю, что онъ подѣлитъ землю, не давъ никому лишняго «лаптя» земли передъ другимъ; знаю, что земля не будетъ продаваться, дариться и пр., вообще не будетъ скопляться въ немногихъ рукахъ; знаю, что онъ не особенно увлечется артелью, какъ видомъ страховки, такъ какъ для того, чтобы застраховать часть посѣва отъ града, вымочекъ, засухъ (дождя полосой), онъ разбросаетъ свои полосы въ разныхъ мѣстахъ, что поможетъ кстати и уравнять качество земли; мнѣ извѣстно, конечно, что разныя невзгоды неравно обрушиваются на отдѣльныя хозяйства, но я понимаю, что такими доводами, какъ ссылка на случайность, убѣдительно аргументировать нельзя, тѣмъ болѣе, что крестьянинъ вѣритъ въ сосѣдскую помощь въ будущемъ обществѣ. Крестьянинъ увѣренъ, что при равныхъ условіяхъ земельнаго надѣла, при помочахъ во время болѣзни и при другихъ несчастіяхъ, при хлѣбозапасныхъ магазинахъ, при отсутствіи грабежа, ростовщиковъ и пр. и пр. крестьяне будутъ жить равно, „одинъ къ одному“; онъ убѣжденъ, что равныя условія землепользованія, при наличности давно уже выработанныхъ обычнымъ правомъ проявленій взаимопомощи, создадутъ и равное благосостояніе; только лѣнивый будетъ жить хуже прилежнаго.

Конечно, мнѣ извѣстно, что артелью все таки выгоднѣе вести полевое хозяйство; всѣ эти выгоды я могу по пальцамъ пересчитать, но мнѣ извѣстно также, что при наличности современнаго инвентаря, при современной сельско-хозяйственной техникѣ эти выгоды не особенно велики. Указываешь на нихъ. „Что-жъ, мы отъ міра не прочь", слышишь традиціонный отвѣтъ, „если Васька будетъ отлынивать отъ работы, такъ справимся съ лодыремъ"... Чувствуешь все таки безнадежное безразличіе отвѣта.

Это не пугаетъ меня — я вижу передъ собою не буржуа-поклонника частной собственности; крестьянинъ поведетъ свое хозяйство не на своей, а на «ничьей» землѣ, его участокъ будетъ равенъ участку сосѣда... это серьезныя предпосылки артели. Веду разговоръ дальше. „Ты слыхалъ о паровомъ плугѣ?" Крестьянинъ заинтересованъ, подробно разспрашиваетъ о немъ (надо знать цѣну, устройство такого плуга, говорить о немъ только тогда, когда онъ можетъ быть примѣненъ на данной почвѣ и на данной поверхности); далѣе рѣчь заходитъ о жатвенной машинѣ (не «лобогрѣйкѣ», а объ американской — фермерской) и о другихъ сельско-хозяйственныхъ машинахъ. Мужика узнать нельзя: онъ весь оживляется, и когда спрашиваешь его: „какъ же тутъ быть? на вашихъ полосахъ паровымъ плугомъ не распашешься, жаткѣ тоже дѣлать нечего"... Онъ смѣется и увѣреннѣе меня говоритъ, что при такихъ машинахъ безъ артели не обойдешься; артель сразу становится для него желанной, практически возможной, и онъ переспрашиваетъ и о другихъ выгодахъ коопераціи.

Итакъ, отъ рѣзко выраженнаго индивидуализма крестьянинъ, послѣ одного разговора, переходитъ къ мечтамъ объ артели, а отсюда не такъ ужъ далеко (онъ легко соглашается на дѣлежъ по ѣдокамъ) и до сельско-хозяйственной коммуны.

Разумѣется, у меня языкъ не повернется говорить крестьянину о преимуществахъ коттэджа на четыре

семьи передъ избою на одно семейство—это что-то далекое, нереальное; не стану говорить „объ одной кухнѣ на 20 избъ“, такъ какъ знаю, что меня засмѣютъ въ этомъ случаѣ бабы, которыя, впрочемъ, соглашаются, что лучше печь хлѣбъ въ большой пекарнѣ, по очереди;*) засмѣютъ какъ разъ тѣ бабы, которыя умильно вздыхали, слушая мой разсказъ о фермерской жаткѣ, которой правитъ двѣнадцати-лѣтній мальчикъ; оно и понятно: тяжела страда крестьянки.

Въ другихъ мѣстностяхъ крестьяне соглашаются на артельную работу (въ будущемъ). Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что въ этихъ мѣстностяхъ сильнѣе воспоминанія о большихъ семействахъ, сильнѣе развиты помочи, общественныя запашки (не тѣ, которыя заведены по приказу начальства, а крестьянскія), лучше сохранились разнообразныя формы артельнаго труда и т. п.

А. Н. Энгельгардъ,—выдающійся сельскій хозяинъ и агрономъ,—утверждалъ, что раціональность въ агрономіи „состоитъ въ томъ, чтобы, истративъ меньшее количество силы (пудо-футовъ работы), извлечь наибольшее количество силы изъ солнечнаго луча на общую пользу. А это возможно только тогда, когда земля находится въ общемъ пользованіи и обрабатывается сообща. Когда люди, обрабатывающіе землю собственнымъ трудомъ, додумаются, что имъ выгоднѣе вести хозяйство сообща, то и земля и все хозяйство неминуемо перейдутъ въ ихъ руки“.

А. Н. Энгельгардъ рѣзко подчеркиваетъ такимъ образомъ громадную выгоду артельнаго трудового хозяйства. Но, понятно, что эксплуатируемое и порабощенное крестьянство можетъ только мечтать о послѣднемъ. Послѣ же соціальной революціи оно сможетъ организовать его.

---

*) Одна изъ устроенныхъ г. Левитскимъ артелей, безъ какого бы то ни было указанія съ его стороны, пришла къ мысли о необходимости общаго стола.

Главнымъ препятствіемъ къ такой организаціи явится (послѣ чернаго передѣла) неравенство инвентаря отдѣльныхъ хозяйствъ и въ моментъ революціи необходимо озаботиться снабженіемъ бѣдныхъ хозяйствъ бывшимъ помѣщичьимъ инвентаремъ и орудіями труда изъ городскихъ складовъ. При этомъ условіи можно разсчитывать на переходъ крестьянъ къ артельному хозяйству. Хозяйства, владѣющія равнымъ инвентаремъ, и въ настоящее время зачастую устраиваютъ небольшія артели—«супряги», «складки».

Сельско-хозяйственныя машины, примѣненіе которыхъ на узкихъ полосахъ или неудобно или невозможно, сыграютъ свою роль въ дѣлѣ созданія артелей, какъ играютъ ее иной разъ и въ настоящее время. Въ Таврической губ., напримѣръ, жатвенныя машины „пріобрѣтаются нерѣдко цѣлыми обществами, которыя и пользуются ими сообща. Вызывается это: 1) стоимостью такихъ орудій, непосильной отдѣльному мелкому хозяйству и 2) непроизводительностью примѣненія къ отдѣльному мелкому хозяйству. Такимъ образомъ, — продолжаетъ Н. Каблуковъ, — распространеніе такихъ машинъ, какъ жатвенныя, молотилки и т. п., создаетъ техническія основанія для соединенія мелкихъ хозяйствъ въ одно цѣлое".

Переходъ къ артельному труду, возможный и при современныхъ орудіяхъ труда, связанъ до извѣстной степени и съ употребленіемъ сообща пріобрѣтенныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Нѣтъ спора, усовершенствованныя машины не будутъ примѣняться крестьянами въ томъ случаѣ, если они не «захотятъ» примѣнять ихъ, или если они не смогутъ пріобрѣсти ихъ. Но вѣдь намъ указываютъ, что капиталисты «хотятъ» примѣнять хорошія орудія труда. Почему же не захотятъ примѣнять ихъ крестьяне? Развѣ капиталисты являются особо умной породой людей?

Возьмемъ, напримѣръ, равные по размѣрамъ участки крестьянской земли съ тяжелой почвой и плодородной

подпочвой. Предположимъ, что на этихъ поляхъ нѣтъ камней, что они могутъ быть вспаханы паровымъ плугомъ. Предположимъ далѣе, что крестьянамъ предложили воспользоваться такимъ плугомъ. Поговорите съ крестьянами, которые видѣли на дѣлѣ хорошія сельскохозяйственныя машины. Каждый изъ нихъ скажетъ, что будетъ радъ воспользоваться ими, будетъ радъ, если его поле будетъ вспахано паровымъ плугомъ и, понятно, ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы этотъ плугъ вспахалъ и поле его сосѣда. Но паровой плугъ примѣнимъ только на большихъ участкахъ земли и крестьянскую землю нельзя будетъ дѣлить на участки до вспашки этимъ плугомъ. Если далѣе крестьяне достанутъ машины для бороньбы, раскидки удобренія, рядовыя сѣялки, то они примѣнятъ и ихъ. Предположимъ далѣе, что крестьяне достанутъ равновсхожее зерно и одинаковое удобреніе (изъ земскаго склада, напримѣръ). При наличности всѣхъ этихъ условій не будетъ ни возможности, ни смысла дѣлить землю до окончанія посѣва.

Созрѣлъ хлѣбъ. Поле ровное, и колосъ не полегъ. «Захотятъ» ли крестьяне воспользоваться жатвенной машиной (настоящей, не лобогрѣйкой)? Крестьянки, особенно крестьянки съ грудными дѣтьми, беременныя, больныя, пожилыя,— поголовный бунтъ поднимутъ, если найдутся такіе глупые мужики, которые выскажутся противъ пользованія такой машиной.

Въ Красноуфимскѣ 2—3 года дѣло съ машинами не налаживалось: крестьяне не рѣшались, хоть ученики технической школы даромъ жали машиной всѣмъ, кто хотѣлъ. Но вотъ случился такой годъ: хлѣбъ осыпался, жара стояла жестокая — одинъ нанялъ жатвенную машину, за нимъ другой, третій. Теперь вездѣ пользуются жатво-вязалкой.

Допустимъ, что крестьянамъ явится возможность получить, хотя бы на время, паровую или конную моло-

тилку. Во многихъ случаяхъ и отъ нея не откажутся крестьяне.

При наличности этихъ условій переходъ отъ индивидуальныхъ хозяйствъ къ хозяйству общественному станетъ болѣе, чѣмъ неизбѣжнымъ. Проще и выгоднѣе будетъ дѣлить зерно, чѣмъ землю. Не будетъ протеста противъ общей работы, такъ какъ онъ обуславливается главнымъ образомъ (у крестьянъ) наличностью разныхъ орудій труда, разницей въ качествѣ удобренія и посѣвныхъ сѣмянъ.

Не откажутся крестьяне и отъ сѣнокосной машины, отъ конныхъ грабель и сѣноворошилокъ. Часами махать косой и дѣлать десятки верстъ по лугу, шевеля граблями, занятіе быть можетъ и пріятное съ точки зрѣнія тѣхъ, кто смотритъ на сѣнокосъ, какъ на пикникъ на душистомъ сѣнѣ, но не съ точки зрѣнія усталыхъ, палимыхъ солнцемъ, вспотѣвшихъ, надрывающихся крестьянъ и крестьянокъ.

Сѣнокосная машина сдѣлаетъ совершенно безсмысленнымъ раздѣлъ луговъ на участки и прямо таки неизбѣжнымъ дѣлежъ сѣна, который, въ связи съ артельной работой по сѣнокошенію, практикуется и въ настоящее время.

Такимъ образомъ появленіе сельско-хозяйственныхъ машинъ явится могучимъ стимуломъ къ созданію общественнато хозяйства. Послѣднее практикуется, впрочемъ, и при обычныхъ орудіяхъ труда.

Сельско-хозяйственные кооперативы часто встрѣчаются среди крестьянъ Западной Европы. Выгодность такихъ объединеній болѣе чѣмъ очевидна. Конечно, такіе кооперативы не будутъ имѣть своимъ слѣдствіемъ переходъ земли въ общее достояніе, но ихъ наличность указываетъ, что разъ только крестьянство освободится отъ эксплуататоровъ и угнетателей, то сельскія хозяйства, подчиняясь присущей имъ тенденціи къ объединенію, организуются на артельныхъ началахъ.

Что касается нашего крестьянства, то оно въ значительной степени проникнуто коммунистическими воззрѣніями. Правда, этотъ коммунизмъ нерѣдко является переживаніемъ стараго родового и больше-семейнаго коммунизма, но нерѣдко онъ создается и условіями новѣйшей жизни.

Укажемъ на нѣкоторыя коммунистическія формы крестьянскаго хозяйства.

Прежде всего — это, такъ называемыя, помочи, когда всѣ жители какой-либо деревни или часть ихъ работаютъ въ хозяйствѣ какого нибудь крестьянина или крестьянки, быстро выполняя непосильную для нихъ работу. Такія работы — очень разнообразны: всѣ работы по сельскому хозяйству, постройки, рытье колодцевъ, рубка дровъ, прорытіе канавъ и пр. и пр. Вознагражденіе за трудъ въ этихъ случаяхъ не берется, но помочанамъ часто выставляется угощеніе, и они также охотно идутъ къ бѣдной вдовѣ, угощающей ихъ ржаными лепешками, какъ и къ заболѣвшему зажиточному мужику, хозяйка котораго приготовила для нихъ пироги съ начинкой. Эти угощенія скорѣе всего являются переживаніемъ старинныхъ общихъ обѣдовъ, «общихъ столовъ». Это подтверждается тѣмъ, что такія угощенія чаще встрѣчаются какъ разъ у менѣе затронутыхъ «капиталомъ» захолустныхъ крестьянъ и наоборотъ рѣже у крестьянъ, знакомыхъ съ прелестями наемки, сохранившихъ все таки «помочь», но отнюдь не настаивающихъ на нѣкогда обязательномъ угощеніи.

Супряга (складка), т. е. соединеніе рабочаго скота и труда для какой-нибудь работы (пахоты, бороньбы, возки удобренія) — опять-таки нерѣдко встрѣчаемое, старое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вызываемое условіями современной жизни, явленіе.

Указывалось, что супрягой обрабатываютъ землю 6,8 проц. всѣхъ хозяйствъ, но мы знаемъ отдѣльныя мѣстности, гдѣ процентъ этотъ много выше, доходя напр. дъ 50 проц. въ Херсонской губ. Иногда такая взаимопомощо

принимаетъ особыя формы: лошадный хозяинъ вспахиваетъ поле безлошаднаго, а послѣдній коситъ траву у перваго и т. п.; четыре домохозяйства, напр., уславливаются молотить хлѣбъ въ четыре цѣпа. Супрягой работаютъ главнымъ образомъ равносильныя хозяйства.

Надо указать далѣе на такъ называемыя «общественныя запашки», урожай съ которыхъ продается на какія либо опредѣленныя нужды. Мы говоримъ здѣсь о добровольно организуемыхъ общественныхъ запашкахъ, размѣры которыхъ иногда бываютъ очень большими.

Очень часто крестьяне какой-либо деревни составляютъ сѣнокосную артель. Трава косится и убирается всѣмъ «міромъ» и по хозяйствамъ дѣлится уже готовый продуктъ – сѣно. Еще чаще встрѣчаются сѣнокосныя артели, состоящія изъ нѣсколькихъ крестьянъ (отъ 2 до нѣсколькихъ десятковъ). Нерѣдко жители цѣлой деревни или часть ихъ сообща строятъ изгороди, овины, общія гумна, риги, сушильни, загоны для скота, иногда даже мельницы. Легко организуется крестьянами общая работа по рытью канавъ, прудовъ, осушкѣ болотъ. Артельныя покупки лошадей, племенныхъ быковъ, сѣмянъ, плуговъ, молотилокъ, жатокъ, сѣялокъ—нерѣдки; такія покупки, производимыя нѣсколькими хозяевами или даже всѣмъ обществомъ, вовсе не являются у насъ чѣмъ то необычнымъ.

Нерѣдкимъ исключеніемъ являются въ Россіи земледѣльческія артели, состоящія изъ нѣсколькихъ хозяйствъ —иногда изъ сосѣдей по избамъ или полосамъ земли, а иногда и изъ дворовъ, не находящихся въ сосѣдствѣ. Иногда артель ведетъ только сельскія работы и дѣлится хлѣбомъ; много рѣже, какъ напр., саратовская артель изъ семи семействъ считаетъ общимъ имуществомъ сельскіе продукты, деньги и даже одежду.

Условія современной жизни ставятъ почти неодолимыя препятствія для организаціи цѣлыхъ деревень-артелей. Тѣмъ не менѣе такія артели возникали и въ послѣднее время. Интересны, между прочимъ, сообщенныя И. В.

Майоровымъ свѣдѣнія объ одной изъ такихъ артелей-деревень (Вятская губернія). Крестьяне „пашутъ и боронятъ вмѣстѣ—одинъ за другимъ, а на кого не хватаетъ лошади, тѣ идутъ въ лѣсъ заготовлять дрова или исполнять такую работу, гдѣ не требуется лошади. Сѣютъ тоже вмѣстѣ, а на кого не хватаетъ, тѣ разсѣиваютъ и готовятъ сѣмена, а остальные пашутъ и задѣлываютъ бороной. Навозъ возятъ сначала всѣ съ одного двора, а потомъ съ другого и такъ по очереди до тѣхъ поръ, пока не вывезутъ со всѣхъ дворовъ. На сѣнокосъ и жатву выступаютъ всей деревней; дружно все это дѣлается. Старшихъ, низшихъ нѣтъ, а между дѣлъ соберутся мужики и всѣ вмѣстѣ обсуждаютъ свои дѣла и распредѣляютъ кому что дѣлать на слѣдующій день. За три года такой работы мужики стали жить лучше“. У этихъ крестьянъ имѣются, сообща всей деревней купленныя, молотильная машина и вязалка. Кромѣ ржи и овса, они сѣяли клеверъ, ленъ и ячмень и, кромѣ навоза, удобряли поля фосфоритной мукой. Урожай дѣлили (1903 годъ) по работникамъ—поровну на мужчину и женщину и половину пая на подростка. До дѣлежа часть хлѣба откладывалась на сѣмена и продажу.

Вотъ, между прочимъ, какъ рѣшили устроиться крестьяне, переселившіеся въ 1897 году изъ Смоленской въ Самарскую губернію. „Вся земля, за исключеніемъ усадебной, должна находиться въ артельномъ пользованіи, не будучи разбиваема на участки; обработка полей, уборка хлѣба, молотьба, косьба луговъ, уборка сѣна и пр. должны производиться наличными работниками и работницами поселка, причемъ на работы должны являться всѣ одновременно, а равно и кончать ихъ; за этимъ должны наблюдать отдѣльныя, выбранныя для того лица, пользующіяся наибольшимъ довѣріемъ и отличающіяся честностью; по какимъ либо причинамъ неявившіяся на общественную работу лица заносятся въ общественную книгу, причемъ дѣлается отмѣтка о причинахъ неявки. По окончаніи молотьбы и уборки сѣна

производится дѣлежъ хлѣба и сѣна, а равно и другихъ продуктовъ, сообразно числу работавшихъ и числу рабочихъ дней; при этомъ неявка на работу кого либо по болѣзни или другой уважительной причинѣ не уменьшаетъ рабочихъ дней его" (Н. Каблуковъ).

Деревня-артель бессарабскихъ крестьянъ ведетъ хозяйство на своей и арендованной землѣ. Работали всѣ сообща; урожай дѣлили по числу рабочихъ душъ. Часть прибыли пошла на аренду земли, затѣмъ артель устроила свою лавочку, пригласила учителя и устроила школу. Артель завела свой общественный хлѣбный магазинъ, построила вѣтряную мельницу, скотный дворъ съ навозохранилищемъ, учредила ссудную кассу для залога движимаго имущества, заплатила недоимки за бѣдныхъ артельщиковъ, пріобрѣла земледѣльческія машины и орудія. Артельщики имѣли хорошую одежду и хорошо харчевались (А. Модестовъ). Встрѣчались общины-артели въ Олонецкой губерніи и въ другихъ мѣстахъ, но мы не знаемъ, уцѣлѣли ли онѣ до нашего времени. Укажемъ здѣсь на недавній еще случай появленія такой артели.

Крестьяне черниговскаго уѣзда предложили въ 1906 году помѣщицѣ Концевичъ уѣхать изъ имѣнія. „По приговору всего села, ея земли и имѣнія переходятъ въ общественное завѣдываніе крестьянъ-земледѣльцевъ"... „были выработаны (на сходѣ правила завѣдыванія панскимъ имуществомъ, выбрано нѣсколько крестьянъ для завѣдыванія отдѣльными отраслями хозяйства и для общественнаго веденія его... Хозяйство помѣщицы сразу пошло полнымъ ходомъ; всѣ работы исполнялись по наряду, всѣ доходы поступали въ общую кассу. Всѣ въ селѣ вздохнули въ первый разъ свободно полной грудью: всѣ почувствовали себя людьми и, чѣмъ дальше шло время, даже темные и отсталые поняли и прониклись важностью и выгодностью новыхъ порядковъ въ селѣ; составлялись планы и проекты уравнительнаго пользованія надѣлами (въ селѣ были подворные порядки

владѣнія), общественной обработки и уборки панскихъ полей; уравнительно распредѣлялись кормъ и лѣсъ для построекъ"... Конечно, правительство разгромило эту артель. („Зн. Тр. 1910, №30).

Мы не задаемся здѣсь цѣлью перечислить всѣ существовавшія и существующія въ Россіи артели-деревни. Приводимыми фактами мы только поясняемъ наши положенія.

Встрѣчаются далѣе артели и на арендованной землѣ. Въ Волчанскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи 18 домохозяевъ составили такую артель. Арендовано было 36 десятинъ. Работали весь круглый годъ сообща, пахали и боронили хорошими желѣзными орудіями, которыя брали на прокатъ у сосѣда землевладѣльца, отпускавшаго имъ также зерноочистительную машину и хорошія сѣмена за сходную плату... Убирали хлѣбъ, молотили и вѣяли—тоже всѣ вмѣстѣ. Дѣла артели пошли такъ хорошо, что въ нее вступило нѣсколько десятковъ человѣкъ. Въ Херсонской губерніи одна изъ артелей арендовала въ 1895 году 640 десятинъ, а въ 1897 году уже 1300 десятинъ; артель села Федвора арендовала сначала 52 десятины, затѣмъ 170; артель села Сентовъ сначала 49, потомъ 112 десятинъ (А. Модестовъ).

Нерѣдко встрѣчаются указанія на сектантскія артели. У «шалапутовъ», сообща ведутся или только предварительныя работы—пахота или бороньба,—или всѣ, вплоть до молотьбы. Въ первомъ случаѣ между участками дѣлится приготовленная къ посѣву земля, во второмъ—зерно. Основаніемъ для раздѣла служатъ нужда и потребности участниковъ. О «дурмановцахъ» (одна изъ сектъ) Оренбургской губерніи С. Пономаревъ писалъ слѣдующее:—у нихъ „общая земля, общій трудъ, общій хлѣбъ и общая кормежка, устанавливаемая при посредствѣ хорошо развитой взаимопомощи, которая почти исключаетъ уже индивидуальную собственность и выдвигаетъ собственность братскую, артельную". Г. Осиповичъ излагаетъ слова С. Пономарева слѣдующимъ

образомъ: „духовные христіане равняютъ между собою землю; но часто случается, что отдѣльныя семьи, имѣя достаточно земли, не въ силахъ сами ее обработать, напр. вдовы, большія семьи съ большимъ числомъ ѣдоковъ; всѣ такіе случаи братства тоже обсуждаютъ на сходкахъ, высчитываютъ всѣ семьи, у кого есть лишніе работники и распредѣляютъ ихъ между маломочными семьями; если у братьевъ какого нибудь села не хватаетъ рабочихъ, то они оповѣщаютъ объ этомъ сосѣднія села; эти тоже собираются на сходки, обсуждаютъ, есть ли у нихъ лишніе рабочіе и сколько они могутъ отпустить; не назначаютъ, кому идти, но вызываютъ охотниковъ, желающихъ идти помогать другимъ братьямъ; земля ушедшихъ рабочихъ обрабатывается остающимися; иногда такіе охотники встрѣчаются верстъ за сто или за сто пятьдесятъ отъ своихъ деревень; часто они не бываютъ даже знакомы съ тѣми, у кого работаютъ; живутъ они и харчатся вмѣстѣ съ хозяевами, работаютъ съ ними наравнѣ и, конечно, никакой платы отъ нихъ не получаютъ". „Въ нѣкоторыхъ штундистскихъ артеляхъ (общинахъ) почти все рѣшительно считается и бываетъ общимъ. Артельщики штундисты имѣютъ и общій домъ, раздѣленный на отдѣленія для каждой семьи, общую землю, работаютъ сообща, урожай считается тоже общимъ, даже ѣдятъ всѣ вмѣстѣ изъ одной кухни, за общимъ столомъ" (А. Модестовъ).

Мы упоминаемъ здѣсь о сектантскихъ артеляхъ потому, что сектантство является не столько причиной появленія такихъ формъ, сколько поводомъ къ проявленію коммунистическихъ тенденцій.

Трудно разграничить, гдѣ начинается вліяніе современной жизни, гдѣ играютъ роль переживанія старины, разъ рѣчь идетъ о появленіи разнообразныхъ артелей въ селеніяхъ. Наблюдается взаимодѣйствіе тѣхъ и другихъ вліяній. Важно то, что новыя условія жизни, настойчиво требуя обобществленія сельско-хозяйственнаго труда, встрѣчаются не съ индивидуалистическими воз-

зрѣніями буржуазіи, а съ коммунистическимъ настроеніемъ крестьянства, чуждаго буржуазной и чиновничьей психики.

Общинное землевладѣніе въ свою очередь подготовляло почву для воспринятія крестьянствомъ коммунистическихъ воззрѣній. Крестьяне, ведущіе артелью сельское хозяйство, ссылались на общину какъ на такой типъ землепользованія, переходъ отъ котораго къ артели вовсе не такъ труденъ. Мало этого, вся общинная жизнь подготовляетъ крестьянство „къ общности“. Вотъ, напр., что пишетъ въ 1909 году крестьянинъ общинникъ, вовсе не думающій о разсматриваемомъ нами вопросѣ: — „въ общинѣ также легко помогать другъ другу въ случаѣ какого несчастья. Напримѣръ: пала у крестьянина послѣдняя работница — лошадь; попроситъ онъ сосѣдей привезти снопы, вспахать пашню, и тѣ всегда помогутъ“... „въ одиночку придется заводить всѣ безъ исключенія предметы орудій и инструменты, какіе необходимо имѣть въ хозяйствѣ. Въ общинѣ же можно обмѣниваться предметами. Напримѣръ, у тебя есть то, чего нѣту у сосѣда, а у сосѣда есть то, чего нѣту у тебя и такъ сосѣдъ возьметъ у тебя ту вещь, которой у него нѣту, а ты возьмешь у сосѣда, какой у тебя нѣту, и такъ можно цѣлой улицей заимствовать другъ у друга“. Этотъ крестьянинъ пишетъ не о томъ, что желательно, а о томъ, что есть. Общинная жизнь полна такими фактами и не трудно понять, на сколько они облегчаютъ намъ пропаганду нашего коммунизма.

VII.

Къ Коммунѣ!

Часть освободившагося отъ политическаго гнета и экономической эксплуатаціи крестьянства немедленно на-

чнетъ организоваться на артельныхъ началахъ. Небольшія, быть можетъ, въ первое время артели будутъ пополняться все новыми и новыми членами. Недостатокъ въ средствахъ производства и продовольствія, податной грабежъ, враждебная среда — не будутъ препятствовать возникновенію артелей, какъ препятствуютъ нынѣ.

Понятно и то, что какъ простыя, такъ и сплоченныя машинами артели будущаго не будутъ распадаться подъ давленіемъ эгоистическихъ стремленій отдѣльныхъ лицъ. Разрушителямъ общины не будетъ разсчета заводить отдѣльныя хозяйства: какъ земля, такъ и средства производства не будутъ передаваться въ пользованіе лицъ, желающихъ нанимать рабочихъ. Не будетъ также, при условіи перехода земли въ общенародное достояніе, и желающихъ наниматься.

Мелкія артели, въ силу экономическихъ причинъ, сольются въ артели-деревни и въ союзы послѣднихъ, какъ сливаются въ союзы коопераціи Запада. Въ рядѣ случаевъ мы сразу же встрѣтимся съ распредѣленіемъ сообща добытыхъ продуктовъ по ѣдокамъ. И въ настоящее время наблюдается яркая тенденція къ дѣлежу земли (а въ артеляхъ — продуктовъ) по ѣдокамъ.

Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что пріобрѣтеніе средствъ производства и предметовъ личнаго потребленія, (не изготовляемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ), а также и сбытъ сельскихъ продуктовъ будутъ производиться артелью-деревней, какъ цѣлымъ. Въ этомъ порукою служитъ, какъ тяготѣніе крестьянства (даже западнаго) къ такимъ союзамъ, такъ и организаціи нашихъ волостныхъ складовъ тамъ, гдѣ, по какому то чуду, начальство не помѣшало ихъ появленію.

Все это явится, правда, не совершеннымъ, но все таки яркимъ отблескомъ той вольной, естественно слагающейся въ непорабощенномъ общежитіи, организаціи труда и потребленія, которая будетъ существовать въ обществѣ будущаго.

Артели-деревни будутъ объединяться между собою еще тѣснѣе, чѣмъ объединяются нынѣ кооперативы. Такое объединеніе прямо таки выгодно. Какъ эти деревни, такъ и ихъ болѣе широкіе союзы, опять таки толкаемые экономическимъ разсчетомъ и идейными факторами, сольются въ одинъ трудовой союзъ съ вольными городами-коммунами.

Общенародный же союзъ городскихъ и сельскихъ коммунъ, въ которомъ не останется и слѣда отъ современной эксплуатаціи и гнета, отнюдь не можетъ считаться для освобожденной Россіи чѣмъ-то очень далекимъ. Исчезнутъ современныя безпорядочныя, рыночныя отношенія между людьми, и надо думать немного воды утечетъ съ момента коммунизаціи средствъ производства и земли до того момента, когда окончательно, сложится тотъ общественный строй, при которомъ не будетъ мѣста эксплуатаціи, вытекающей изъ владѣнія деньгами, домами, товарами, средствами производства, при которомъ немыслима принудительная власть — этотъ синонимъ насилія и угнетенія.

Характерно, что переселившіеся въ Канаду крестьяне-духоборы устроились коммунами (50 селеній). „Они живутъ въ отдѣльныхъ домахъ, но работаютъ сообща. На вопросъ: кто дѣлаетъ нарядъ, — «всѣ соберемся и рѣшаемъ, кому куда», отвѣтили мнѣ“, — пишетъ А. Щербакъ, — „тотъ ѣдетъ пахать, другой—дежурный къ лошадямъ; сестры идутъ дежурить въ общую хлѣбопекарню, въ столовую. Кто боленъ, видимъ, освобождается отъ работы. У которой сестры махонькій дѣтенокъ дома остается, та отъ дежурства освобождается“. У духоборовъ много разныхъ машинъ (сѣнокосилки, сноповязалки, рядовыя сѣялки, вѣялки, паровые плуги, паровыя молотилки и т. д.). „Машины каждаго селенія могутъ быть оцѣнены въ 4590 рублей, а селеній—50; получается почтенная цифра — свыше 200 тысячъ. Духоборы

устроили общественныя хлѣбопекарни и освоились съ ними. О столовыхъ еще нѣтъ ясно сложившагося мнѣнія — новое дѣло. „Пробуемъ. Все пробуемъ", говорятъ духоборы. Взрослые получаютъ по 2 $\frac{3}{4}$ фунта хлѣба въ день, но если кто хочетъ съѣсть больше, то и болѣе — по потребностямъ. Община снабжаетъ погреба жилищъ овощами. Наемныхъ рабочихъ у духоборовъ нѣтъ.

Они устроили общественные склады всевозможныхъ товаровъ. Каждое селеніе беретъ изъ этихъ складовъ все, что надо. Кромѣ складовъ, имѣются три общественныя лавки. На протяженіи 50 миль духоборы устроили почту.

„Жизнь въ селеніяхъ, какъ и во всей Духоборіи, не нуждается ни въ какихъ чинахъ — ни въ «большихъ», ни въ «малыхъ». Люди здѣсь всѣ полноправные граждане — «устроители» своей жизни". Начавъ съ пустыми руками, духоборы въ семь лѣтъ добились значительнаго благосостоянія.

Канадское правительство старалось, конечно, разрушить эти коммуны.

Едва ли народъ Россіи увлечется коллективистическимъ общественнымъ строемъ съ присущей ему эксплуатаціей тѣхъ трудящихся, трудъ которыхъ не будетъ считаться квалифицированнымъ. Коммуна болѣе сродна крестьянской психикѣ, и какъ разъ такая коммуна, каждый членъ которой будетъ получать то, что ему надо (распредѣленіе «по ѣдокамъ»), каждая производственная единица которой будетъ получать необходимыя средства производства и отдавать для распредѣленія свои продукты, (кромѣ той ихъ части, которая, все равно, возвратилась бы членамъ такой единицы для потребленія).

Мы не знаемъ другой аграрной программы, кромѣ той, которая сводится къ устройству коммуны. Надо пропагандировать необходимость коммунистической орга-

низаціи общежитія. Разговоры съ крестьянами приходится начинать съ тѣхъ ячеекъ, изъ которыхъ и составится сельская часть общей коммуны — съ коммунъ-деревень. Необходимо выяснять, какъ должна сложиться сельская коммуна, какъ и для чего должна она слиться въ одно цѣлое съ городами и съ другими сельскими коммунами.

Такъ какъ крестьянство мыслитъ конкретно, то намъ приходится говорить о коммунѣ, рисуя точный планъ ея устройства (въ который жизнь внесетъ свои поправки), намъ приходится исходить изъ данныхъ текущей жизни не только при отрицаніи современныхъ порядковъ, но и при указаніяхъ на будущее. *)

Мы можемъ встрѣтиться съ указаніемъ, что очень интенсивное сельское хозяйство не нуждается въ большихъ артеляхъ. Но до очень интенсивнаго хозяйства довольно далеко, да и въ такихъ хозяйствахъ часть работъ можетъ производиться сообща. Общая работа будетъ, разумѣется, примѣняться только тамъ, гдѣ это надо; гдѣ она не нужна, тамъ ея, конечно, не будетъ. Коммуна не исключаетъ существованія отдѣльныхъ хозяйствъ, пользующихся общественными средствами производства. Она не подавляетъ индивидуальности. Такія хозяйства даже желательны, какъ піонеры новыхъ начинаній. Для насъ важно только, чтобы продукты этихъ хозяйствъ, за исключеніемъ потребляемой на мѣстѣ части, поступали для распредѣленія въ общественные склады.

Болѣе чѣмъ ошибочно заявленіе, что мы выдумали какую-то утопію и хотимъ распропагандировать людей

*) Нечего и говорить, что лица, не пожелавшія почему либо войти въ составъ коммуны, могутъ вести отдѣльныя хозяйства. Наше крестьянство — очень терпимо. „Если бываютъ, — писалъ Н. Каблуковъ, — случаи (совершенно исключительные) несогласія на это (предполагаемое улучшеніе) двухъ-трехъ отдѣльныхъ домохозяевъ, то, какъ это показала практика московскаго земства, такимъ хозяевамъ предоставляется вести дѣло по старому на своихъ участкахъ а затѣмъ улучшеніе вводится у остальныхъ“.

для того, чтобы они устроились на выдуманныхъ нами началахъ. Мы, зная, что общество сброситъ съ себя путы капитала и власти, разсматриваемъ, какъ устроится оно при этомъ условіи. Коммунизмъ тѣмъ и мощенъ, тѣмъ и ненавистенъ людямъ, придерживающимся буржуазныхъ и коллективистическихъ убѣжденій, что онъ является не утопіей, а точной и ясной формулировкой затаенныхъ чаяній народныхъ массъ, что онъ учитываетъ жизненныя силы.

Мы не обладаемъ оптимизмомъ Панглосса, не думаемъ, что все автоматически идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ или худшемъ изъ міровъ. Мы не промѣняемъ борьбу за коммунизмъ на борьбу за «лучшую», всегда мнимую демократію. Поэтому-то мы и не попадемъ въ то ужасное болото, въ которое сторонники экономическаго неравенства и принудительной власти пытаются направить трудящихся. Вмѣстѣ съ трудовыми массами мы сознательно направляемся къ желанному и близкому берегу земли обѣтованной, на который нельзя вступить иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ заключеніе подчеркнемъ, что нельзя представить себѣ, нельзя пожелать болѣе воспріимчивой среды, чѣмъ та, которую мы находимъ въ нашемъ крестьянствѣ и въ близкомъ къ нему мірѣ наемныхъ рабочихъ.

Типографія Листковъ „Хлѣбъ и Воля“
163 Jubilee street, Mile End, London E.

НАШИ ИЗДАНІЯ:

	ЦѢНА ш.	п.
Русская Революція и Анархизмъ (сборникъ статей подъ редакціей П. Кропоткина).		3
Парижская Коммуна. П. Кропоткина.		2
О Рабочихъ Союзахъ. К. Оргеіани.		2½
Революціонный Синдикализмъ и Анархизмъ. М. Изидина.		2½
Нравственныя Начала Анархизма. П. Кропоткина.		3
Анархія. П. Кропоткина.		2
Борьба съ Капиталомъ и Властью. М. Корнъ.		1½
Земельная Программа А.-К. А. Кочегарова.		2
Государство, его роль въ исторіи. П. Кропоткина.		6
Парижская Коммуна. Ж. Герцига.		2
Современная Наука и Анархизмъ. П. Кропоткина.		4
Хлѣбъ и Воля. П. Кропоткина.	1	0
Доктрины Марксизма. В. Черкезова.		5
Анархія, ея философія, ея идеалъ. П. Кропоткина.		3
Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ. К. Оргеіани.		10
Комплектъ газеты «Хлѣбъ и Воля» (24 номера).	4	0
Комплектъ газ. «Листки Хл. и Воля» (18 ном.).	3	6

Заказы, корреспонденціи и деньги просятъ присылать по одному изъ слѣдующихъ адресовъ:

A. Schapiro, 163, Jubilee Street, LONDON E.
Rédaction "Les Temps Nouveaux", rue Broca, 4, PARIS.

Цѣна: 2 пенса, 20 сантимовъ, 5 сентовъ.

